

А. П. Афонскій.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ
ПИРОГОВЪ,

ЕГО ЖИЗНЬ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ
ПРОПОВѢДЬ.

Цѣна 25 коп.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.
МОСКВА.—1911.

А. П. АФОНСКИЙ.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ
ПИРОГОВЪ,

ЕГО ЖИЗНЬ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ
ПРОПОВѢДЬ.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.
МОСКВА.—1911.

Николай Ивановичъ Пироговъ.

Николай Ивановичъ Пироговъ.

Николай Ивановичъ Пироговъ—разносторонній мыслитель и разносторонній практическій дѣятель. И какъ мыслитель и какъ практическій дѣятель, онъ можетъ интересовать и долженъ интересовать очень многихъ.

Онъ—новаторъ во всѣхъ областяхъ, въ которыхъ ему приходилось дѣйствовать. Онъ—хирургъ, съ именемъ котораго связано начало русской хирургіи; онъ—первый русскій военный врачъ - администраторъ; онъ—русскій профессоръ, строившій свое преподаваніе на новыхъ началахъ, на началахъ всесторонней наглядности и сократовскомъ методѣ; онъ—русскій педагогъ, „первыя слова котораго о воспитаніи,—какъ говоритъ Ушинскій,—пробудили спавшую у насъ до тѣхъ поръ педагогическую мысль“. Геніальная разносторонность его сама по себѣ чрезвычайно интересна, но насъ интересуетъ онъ, главнымъ образомъ, какъ педагогъ. Намъ хотѣлось бы извлечь изъ его жизни и сочиненій, то, что помогло бы уяснить нѣкоторые вопросы воспитанія, стоящіе передъ начальнымъ народнымъ учителемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы не упускали изъ вида необходимости во всей полнотѣ обрисовать замѣчательную личность Пирогова.

І. Дѣтство Н. И. Пирогова.

Н. И. Пироговъ родился 13 ноября 1810 года въ Москвѣ, въ Сыромятникахъ.

Отецъ его служилъ казначеемъ въ Московскомъ провіантскомъ бюро. Сверхъ порядочнаго по тому времени

жалованья, онъ прирабатывалъ еще и веденіемъ частныхъ судебныхъ дѣлъ, такъ что средства къ жизни у него были болѣе чѣмъ достаточны, несмотря на многочисленную семью. Николай былъ тринадцатымъ ребенкомъ, а всѣхъ братьевъ и сестеръ у него было 14 душъ. Во время его дѣтства налицо оставалось 6 человекъ дѣтей, изъ нихъ—три брата и три сестры.

Отецъ Пирогова былъ отличный семьянинъ. Несмотря на многочисленность своихъ работъ и широкое московское гостепріимство, которое значительно урѣзывало время отдыха, онъ находилъ все-таки время возиться съ дѣтьми, устраивать имъ въ своемъ маленькомъ саду бесѣдочки, разныя садовыя игры — кегли, крючки и кольца, и даже читать дѣтямъ книги. Н. И. помнитъ, что отецъ читывалъ имъ, дѣтямъ, „Донъ-Кихота“ въ сокращенномъ переводѣ съ французскаго. Мать, какъ и отецъ, горячо любила дѣтей. Дѣти, конечно, платили имъ взаимностью.

„Я страстно любилъ мою мать,—говоритъ Пироговъ,—и теперь (70 лѣтъ) еще помню, какъ я, любуясь ея темно-краснымъ, цвѣта массана, платьемъ, ея чепцомъ и двумя локонами, висѣвшими изъ-подъ чепца, считалъ ее красавицею, съ жаромъ цѣловалъ ея тонкія руки, вязавшія для меня чулки“. Точно такъ же и отношенія между сестрами и братьями были превосходны. Такимъ образомъ атмосфера, въ которой прошло дѣтство Пирогова, была атмосферою нѣжности и любви. „Жизнь моя ребенкомъ до тринадцати лѣтъ была весела и привольна, а потому и не могла не оставить одни пріятныя воспоминанія“, говоритъ онъ.

Пироговъ былъ живой и рѣзвый мальчикъ, хотя, говоритъ онъ, должно-быть, не очень большой шалунъ. Онъ не помнитъ за собою никакой крупной шалости и никакого крупнаго наказанія за шалости. Время дѣтства Пирогова было временемъ, когда розга считалась одной

изъ самыхъ лучшихъ мѣръ воспитательнаго воздѣйствія. Пироговъ даже самъ, уже будучи профессоромъ въ Дерптѣ, не нашель лучшаго способа повліять на своего воспитанника, который вороваль у него изъ комода деньги, какъ выпоротъ его, что и выполнилъ собственными руками. Тѣмъ не менѣе, самъ онъ ни въ школѣ, ни дома ни разу не былъ высѣченъ. Изъ наказаній въ дѣтствѣ онъ, будучи уже 70-лѣтнимъ старикомъ, вспоминаеть три случая, оставшіеся въ памяти на всю жизнь. Не безынтересно для воспитателя впечатлѣніе, которое оставляетъ всякое наказаніе на психикѣ ребенка.

Однажды маленькій Пироговъ ударилъ въ щеку какого-то мальчика. Мать, бывшая свидѣтельницею самоуправства, расправилась точно такъ же сама съ сыномъ, и Пироговъ находитъ это и логичнымъ и педагогичнымъ. „Хотя эта расправа и не излѣчила меня отъ самоуправства радикально,—говорить онъ,—но нерѣдко удерживала поднятую уже руку, припоминая мнѣ во время, что и на меня можетъ подняться болѣе сильная рука“. Но два другіе приводимые имъ случая своего наказанія категорически говорятъ противъ того, чтобы считать этотъ способъ воспитанія (съ наказаніями) удовлетворительнымъ. Въ особенности характеренъ одинъ случай: однажды мальчикъ съ разбѣгу неожиданно вбѣжалъ въ комнату, гдѣ мать была чѣмъ-то занята съ сестрами; мать сгоряча вскочила, и Пироговъ прямо животомъ ударился о ея размахнутую руку. „Я какъ теперь помню, что мнѣ захватило духъ, и я повалился на полъ. Скверно то, что у меня послѣ этого удара оставалась долго на душѣ какая-то злоба на мать“. Вотъ эта-то злоба—характерный фактъ, указывающій на то, какъ осторожно должно примѣнять мѣры (если ужъ должно) наказанія въ воспитаніи.

Но живость характера не переходила границъ. Пироговъ-ребенокъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ склоненъ къ

усиленному, сосредоточенному наблюденію того, что его болѣе или менѣе интересовывало. Способность усиленнаго вниманія, хотя и произвольнаго, у него сказалась еще въ дѣтствѣ. Этимъ можно, между прочимъ, объяснить и то, что онъ очень рано научился читать.

Почти самоучкою, въ 6 лѣтъ, Пироговъ научился читать по карикатурамъ, изданнымъ въ видѣ картъ въ алфавитномъ порядкѣ. Карикатуры на французовъ расходились тогда въ огромномъ количествѣ. Азбука изъ карикатуръ представляла изъ себя слѣдующее: картинка изображала какую-нибудь сценку, подъ которой было маленькое двестишіе, при чемъ первыя буквы первыхъ словъ этихъ двестишій, которыя являлись названіями главнаго предмета, непосредственнаго движенія или состоянія,—однимъ словомъ, сути картинки,—составляли русскій алфавитъ.

Такъ, на примѣръ, буква *А* представляла глухого мужика и бѣгущихъ отъ него въ крайнемъ безпорядкѣ французскихъ солдатъ съ подписью:

Ась, право, глухъ, мусье, что мучить старика,
Коль надобно чего, спросите казака.

Буква *В*. Французскіе солдаты разбираютъ на части пойманную ворону, и одинъ изъ нихъ, изнуренный голодомъ, держитъ лапку, а другой, валяясь на землѣ, лижетъ изъ пустого котла. Надпись:

Ворона какъ вкусна, нельзя ли ножку дать,
А мнѣ изъ котелка хоть жижи полизать.

„Это ученіе грамотѣ по карикатурнымъ картинкамъ врядъ ли одобритъ педагогами,—говоритъ Пироговъ.— И въ самомъ дѣлѣ, эти первыя карикатурныя впечатлѣнія развили во мнѣ склонность къ насмѣшкѣ и свойство подмѣчать въ людяхъ скорѣе смѣшную и худую сторону, чѣмъ хорошую. Зато эти карикатуры надъ кичливымъ, грознымъ и побѣжденнымъ Наполеономъ,

вмѣстѣ съ другими изображеніями его бѣгства и нашихъ побѣдъ, развили во мнѣ рано любовь къ славіи моего отечества“. Намъ думается, однако, что патріотизмъ Пирогова былъ слѣдствіемъ не этихъ карикатуръ, а того энтузіазма, который явился результатомъ избавленія Россіи отъ нашествія французовъ. Но, замѣтимъ кстати, патріотизмъ Пирогова ничего общаго не имѣлъ съ шовинизмомъ квасныхъ патріотовъ. „У меня очень рано развилась,—говоритъ онъ,—вмѣстѣ съ глубокимъ сочувствіемъ къ родинѣ какая-то непреодолимая брезгливость къ національному хвастовству, ухарству и шовинизму“.

Анализируя свои воспоминанія по поводу нагляднаго обученія первоначальной грамотѣ въ связи съ другими впечатлѣніями шести-семилѣтняго возраста, Пироговъ считаетъ первыя впечатлѣнія очень глубоко запавшими въ память, ясными и отчетливыми. Всѣ прочія воспоминанія дѣтства въ этомъ возрастѣ или туманны и прозрачны, или же отрывочны и сомнительны. Довольно раннее обученіе грамотѣ при пособіи *наглядности* Пироговъ считаетъ самымъ надежнымъ средствомъ къ правильному развитію внимательности. При этомъ способѣ нельзя, говоритъ онъ, опасаться односторонняго развитія; при немъ участвуютъ къ возбужденію внимательности и глазъ, и ухо, и осязаніе, и самое слово. Только впечатлѣнія, пріобрѣтенныя этимъ путемъ въ раннемъ дѣтствѣ, и остаются въ насъ цѣльными и связными; красною нитью тянутся они черезъ всю жизнь. „Читая теперь какую-нибудь книгу, мнѣ стоитъ только хоть немножко отвлечься въ прошедшее, и „А—Ась, право, глухъ, мусье“ сейчасъ вынырнетъ откуда-то, какъ изъ омута“, сопровождаемое карикатурою.

Научившись читать, мальчикъ съ жаромъ набросился на книги. Отецъ охотно дарилъ ребенку книги, и эти еподарки были самыми желательными для него. „Дѣтско чтеніе“ Карамзина, басни Эзопа, „Робинзонъ“, „Донъ-Ки-

хоть“ и другія книги съ картинками читались и прочитывались имъ „по нѣскольку разъ, и все съ аппетитомъ, какъ лакомства“. „Дѣтское чтеніе“ Карамзина въ 10 или 12 частяхъ всего болѣе занимало его, оставивъ чрезвычайно пріятное впечатлѣніе на всю жизнь. Помимо дѣтскихъ книгъ и такихъ, какъ басни Крылова и „Людмила и Свѣтлана“ Жуковскаго, въ его рукахъ въ раннемъ возрастѣ были и такія „серьезныя книги“, какъ „Зрѣлище вселенной“, „Дѣтскій музей“ и Палласово „Путешествіе по Россіи“.

Характерная біографическая черта: первый романъ попался въ руки ребенка на 12 году жизни; романъ этотъ былъ „Фанфанъ и Лолетта“, Дюкре-Дюмениля. „Я помню,—говоритъ Пироговъ,—что не одна фабула романа завлекла меня, а и образъ Лолотты. Должно-быть, заговорили рано развившіеся половые инстинкты“.

До 8-лѣтняго возраста мальчика обучали мать и сестра, хотя, положимъ, онъ былъ скорѣе самоучкой. На девятомъ же году жизни ему данъ былъ первый учитель. Вообще первые его учителя-студенты, учившіе его, какъ видно, писать, латинской и французской грамотѣ и первымъ четыремъ дѣйствіямъ ариѳметики, имѣли очень мало вліянія и произвели слабое впечатлѣніе. Онъ помнитъ слегка ихъ внѣшность, и только.

Въ школу ребенокъ поступилъ 11—12 лѣтъ. Родители отдали его въ лучшій по тому времени пансіонъ Кряжева. Въ немъ учились дѣти значительныхъ дворянскихъ фамилій и дѣти богатыхъ купцовъ. Самъ Кряжевъ былъ замѣчательный по своему времени педагогъ. Онъ былъ знатокомъ новыхъ языковъ, авторомъ учебниковъ по французскому, нѣмецкому, англійскому и итальянскому языкамъ. Онъ умѣлъ такъ преподавать, что его уроки остались памятны Пирогову на всю жизнь.

Конечно, какъ и во всѣхъ школахъ того времени, тѣлесное наказаніе и у него было однимъ изъ главныхъ

способовъ воспитательнаго воздѣйствія. Но въ этомъ отношеніи Пироговъ все-таки считаетъ Кряжева гуманнѣйшимъ человѣкомъ. Онъ сѣкъ, и то не часто и не многихъ. Такія же наказанія, какъ удары линейкою по ладонямъ, стояніе на колѣняхъ и пр., не считались серьезными карами. Полудомашнюю обстановку въ пансіонѣ вносила жена Кряжева, памятная Пирогову за добродушную ласку, которую она расточала всѣмъ оставленнымъ безъ прогулки или безъ обѣда ученикамъ.

Пироговъ былъ „бойкій, нелѣпый и любившій ученіе мальчикъ“. Но все-таки не все легко ему давалось: были предметы любимые, какъ исторія и русская словесность, но были и мало уважаемые, какъ математика.

„Слово,—говоритъ онъ,—съ самыхъ раннихъ лѣтъ оказывало на меня, какъ и на большую часть дѣтей, сильное вліяніе; я увѣренъ даже, что сохранившимся во мнѣ до сихъ поръ впечатлѣніямъ я гораздо болѣе обязанъ слову, чѣмъ чувствамъ. Поэтому немудрено, что я сохраняю почти въ цѣлости воспоминанія объ урокахъ русскаго языка нашего школьнаго учителя Войцеховича... Онъ умѣлъ отлично занимать насъ рассказами изъ древней и русской исторіи, заставляя насъ къ слѣдующему уроку написать, что слышали, и изложить свое мнѣніе о героѣ разказа, его дѣйствіяхъ, характерѣ и т. п. Ни на одинъ урокъ я не шелъ такъ охотно, какъ въ классъ Войцеховича; въ немъ все было для меня привлекательно. Серьезный, задумчивый, высокій и нѣсколько сутуловатый, съ добрыми, голубыми глазами, Войцеховичъ (кандидатъ Московскаго университета) одушевлялся на урокѣ такъ, что одушевлялъ и насъ“.

Войцеховичъ преподавалъ и исторію и словесность, и то и другое очень интересно. Пироговъ очень увлекался русской литературой и основательно ее зналъ.

Что касается математики, то этотъ предметъ, должно, быть, не легко давался Пирогову, хотя преподаватель мате-

матики былъ очень порядочный. „Едва ли, — говоритъ онъ, — у меня нѣтъ математической жилки; но она, мнѣ кажется, развивалась медленно, съ лѣтами, и когда мнѣ захотѣлось, и даже очень, знать математику, — было уже поздно“.

Математика, по словамъ Пирогова, такая наука, склонность и способность къ которой не всегда, какъ полагаютъ многіе, развивается въ раннихъ лѣтахъ; ея изученіе требуетъ особаго рода внимательности, слишкомъ разсѣянной у способныхъ дѣтей; чѣмъ живѣе способный ребенокъ, чѣмъ болѣе предметовъ его развлекаетъ, тѣмъ легче можно ошибиться въ діагнозѣ, не узнавъ во-время и его способности къ математикѣ. Между тѣмъ, говоритъ онъ, развитъ во-время у способнаго ребенка математическую жилку — важное дѣло, сильно вліяющее на будущность.

Говоря о своемъ обученіи до университета, Пироговъ сѣтуетъ на то, что въ его время былъ огромный пробѣлъ въ обученіи географіи. Физическая географія была въ полномъ пренебреженіи со стороны учебнаго вѣдомства. „Я ни разу не помню, чтобы кто-нибудь въ лунную и звѣздную ночь указалъ намъ на небесный сводъ; самый земной шаръ, хотя и изображенный на классномъ глобусѣ, былъ для насъ скорѣе чѣмъ-то отвлеченнымъ, нежели нагляднымъ. О нѣмыхъ картахъ не было и помину. Нельзя себѣ представить, съ какимъ живымъ любопытствомъ я, черезъ двадцать пять лѣтъ послѣ моего выхода изъ школы, въ первый разъ въ жизни рассмотрѣлъ нѣмыя карты частей свѣта, и какъ новы показались мнѣ представленія земли отъ взгляда, брошеннаго на эти карты“.

Обращеніе перваго же вниманія ребенка на обитаемую имъ мѣстность, на кругозоръ, на небесный сводъ, на то именно, что подъ нимъ, вокругъ его и надъ нимъ, на настоящее, а не на прошедшее, является, по

мнѣнію Пирогова, простымъ, естественнымъ и дѣльнымъ, а потому и воспитательнымъ.

Но, замѣчаетъ далѣе Пироговъ, математическая сторона географіи требуетъ нѣкотораго умѣнья ориентироваться и представлять себѣ отношеніе различныхъ величинъ и разстояній; а въ раннемъ дѣтствѣ, если и можно у ребенка развить эти способности, то не иначе, какъ направляя его вниманіе туда именно, куда оно всего менѣе влечется; въ то время, какъ чувственное вниманіе все обращено на ближайшее, окружающее ребенка,—развивающееся воображеніе привлекаетъ его, въ отдаленное пространство и время; съ одной стороны, глазъ ребенка занятъ разсматриваніемъ новыхъ или привлекательныхъ для него формъ, цвѣтовъ, движеній окружающихъ предметовъ; а съ другой стороны, слово увлекаетъ его въ дальнія страны и въ давно прошедшія времена. Слишкомъ напрячь вниманіе въ одну изъ этихъ сторонъ или на одномъ настоящемъ или прошедшемъ—значило насиловать внимательность и мѣшать нормальному ходу ея развитія.

Вотъ все, что сообщаетъ намъ Пироговъ о своемъ дѣтствѣ.

Слѣдуетъ остановиться еще на дѣтскихъ играхъ Пирогова. Въ дѣтскихъ играхъ всегда сказывается характеръ и склонности ребенка. Присмотрѣться къ игрѣ ребенка — значитъ часто обозрѣть всю будущую жизнь его. Въ любимыхъ дѣтскихъ играхъ Пирогова замѣчательно легко прослѣживается и характеръ и его склонности.

Изъ дѣтскихъ игръ Пироговъ вспоминаетъ двѣ: одна изъ нихъ—игра въ войну, другая игра—въ лѣкаря. Что касается первой, то она была любимѣйшей игрой въ школѣ. „Какъ видно, — пишетъ онъ, — я былъ храбръ, потому что помню рукоплесканія и похвалы старшихъ учениковъ за мою удалъ“. Въ этой игрѣ проявляется

характеръ Пирогова, его смѣлость, рѣшительность, способность въ высшей степени на честную, открытую борьбу. Все это весьма полно сказалось во всей его чрезвычайно „глубокой духовно и сильной практической дѣятельности“ (Ушинскій).

Вторая игра—въ лѣкаря какъ бы приподняла завѣсу будущаго. Игра эта явилась слѣдствіемъ болѣзни (ревматизмъ) его старшаго брата. Болѣзнь эта долго не уступала лѣченіямъ. Много докторовъ приглашалось къ больному и все безуспѣшно. Наконецъ приглашенъ былъ профессоръ Е. О. Мухинъ—лучшій практикъ того времени въ Москвѣ (Мухинъ имѣлъ большое значеніе въ будущемъ Пирогова). Приѣздъ знаменитости! Въ домѣ усиленныя приготовленія и ожиданія, что извѣстнымъ образомъ настраиваетъ ребенка... Послѣ долгихъ ожиданій ребенокъ видитъ: къ крыльцу подъѣзжаетъ карета четвернею. Ливрейный лакей открываетъ дверцу, и изъ кареты выходитъ высокій сѣдовласый господинъ. Въ домѣ волненіе. Естественно, что всѣ движенія доктора запоминаются, и, когда послѣ очень быстрого излѣченія домашніе долго толковали о чудодѣйствіи Мухинскаго искусства, у него явилось стремленіе воспроизвести ихъ. Однажды онъ попросилъ кого-то лечь въ кровать, а самъ, принявъ видъ и осанку доктора, важно подошелъ къ мнимо-больному, пощупалъ пульсъ, посмотрѣлъ на языкъ, далъ какой-то совѣтъ, распрощался и вышелъ преважно изъ комнаты. Все это привело зрителей въ восхищеніе; подъ вліяніемъ такого стимула мальчикъ усовершенствовался и „началъ уже разыгрывать роль доктора, посадивъ и положивъ нѣсколько особъ, между прочимъ и кошку, переодѣтую въ даму; переходя отъ одного мнимо-больного къ другому, я садился за столъ, писалъ рецепты и толковалъ, какъ принимать лѣкарства. Не знаю,—прибавляетъ онъ,—получилъ ли бы я такую охоту играть въ лѣкаря, если бы, вмѣсто весьма быстро вы-

здоровленія, братъ мой умеръ. Но счастливый успѣхъ сопровождаемый эффектною обстановкою, возбудилъ въ ребенкѣ глубокое уваженіе къ искусству, и я, съ этимъ уваженіемъ именно къ искусству, началъ впослѣдствіи уважать и науку“.

Эта игра въ лѣкаря такъ полюбилась Пирогову, что, вступивъ даже въ университетъ, онъ продолжалъ быть къ ней привязаннымъ. Будучи на первомъ курсѣ университета, онъ увидѣлъ операцію въ клиникѣ и на святкахъ у своихъ знакомыхъ, къ общему удовольствію, произвелъ демонстрацію этой операціи.

Въ дѣтскихъ играхъ, повторяемъ, больше всего проглядываетъ индивидуальность ребенка, и нельзя не пожелать воспитателямъ внимательно приглядываться къ нимъ для правильныхъ воздѣйствій на ребенка. Идея воспитывающаго обученія, которая выдвинута педагогами шестидесятыхъ годовъ, тѣсно связана съ его индивидуализаціей.

Пироговъ считалъ самообольщеніемъ увѣренность въ томъ, что воспитаніемъ нашимъ мы можемъ дать ребенку все то, что мы желаемъ дать. Искусственные способы воспитанія и обученія и систематическое ихъ примѣненіе, дѣйствуя однообразно и односторонне на различнѣйшія индивидуальности, могутъ, по его мнѣнію, многое уничтожить, а въ томъ числѣ и многое худое, но развить что-либо положительное воспитатель въ состояніи лишь при условіи, если задатки этого положительнаго заложены въ натурѣ ребенка. Для этого необходимо серьезно и внимательно изучить индивидуальность ребенка, его темпераментъ и характеръ, его склонности и влеченія, то, что онъ любитъ и къ чему чувствуетъ отвращеніе.

„Что и сколько мы приносимъ съ собою, — говоритъ Пироговъ, — на свѣтъ и что и сколько потомъ получаемъ отъ него, этого мы никогда не узнаемъ. Будущая нрав

ственная сторона челоѡка рано, едва ли не съ пеленокъ, обнаруживается въ ребенкѣ; къ сожалѣнію, поздно узнаемъ мы будущее того, что мы давно замѣтили“.

„И на моихъ собственныхъ дѣтяхъ,—говоритъ авторъ,—и на нѣкоторыхъ другихъ лицахъ, знакомыхъ мнѣ съ ихъ дѣтства, я рано видѣлъ немало намековъ о будущихъ ихъ нравахъ и склонностяхъ; но теперь только, когда, вмѣсто трехъ-четырехлѣтнихъ дѣтей, я вижу передъ собою тридцатилѣтнихъ мужчинъ и женщинъ, только теперь я увѣряюсь изъ опыта, какъ вѣрны и ясны были эти намеки. Поумнѣвъ заднимъ умомъ, я вижу теперь, что не только о нравахъ, но и о будущихъ міровоззрѣніяхъ всѣхъ этихъ лицъ я могъ бы уже имѣть довольно ясное понятіе еще за двадцать пять лѣтъ, если бы умѣлъ прочесть „мани, факель, фаресь“ въ ихъ дѣтскихъ поступкахъ“.

Но не только въ дѣтскихъ поступкахъ ребенка можно найти отвѣтъ на вопросъ о его индивидуальности. Значительный матеріаль въ этомъ отношеніи представляютъ взрослые, родители, семья ребенка. На своей собственной семьѣ Пироговъ ясно прослѣживаеъ вліяніе наслѣдственности на развитіе индивидуальности какъ въ физическомъ, такъ и особенно въ нравственномъ отношеніи. Все ихъ семейство, по его словамъ, было характера вспыльчиваго и горячаго; но вспышки никогда не продолжались долго. Эти черты нрава перешли отъ дѣда и бабки къ отцу, отъ отца—къ дѣтямъ. Мать ихъ имѣла характеръ, сходный съ отцовскимъ, но отличалась большою сдержанностью; зато и гнѣвъ ея не проходилъ такъ скоро, какъ отцовскій, а расположеніе духа не такъ быстро мѣнялось, какъ у отца; она была и расчетливѣе и бережливѣе. Самъ Пироговъ многое наслѣдовалъ отъ нея и въ физическомъ и въ нравственномъ отношеніяхъ.

Слѣдуетъ еще указать на два факта изъ исторіи дѣтства Пирогова: первый—вліяніе на него простой русской сказки и второй—два знакомства, дававшія возможность его игру въ лѣкаря облечь въ мечту о медицинѣ, какъ наукѣ.

На первый фактъ слѣдуетъ только указать, хотя бы для провѣрки на немъ того, насколько глубоко залегаютъ въ душу впечатлѣнія отъ родной мифологіи. Уже будучи 70-лѣтнимъ старикомъ, Пироговъ прекрасно вспоминаетъ сказки, которыя рассказывала ему крѣпостная служанка матери, Прасковья Кирилловна. Ея сказки настолько интересовали ребенка, что даже передъ самымъ поступленіемъ въ университетъ, будучи 13-лѣтнимъ мальчикомъ, онъ съ наслажденіемъ слушалъ ихъ.

Второй фактъ слѣдующій. Изъ всѣхъ знакомыхъ ихъ семьи Пироговъ-ребенокъ хорошо сошелся съ двумя: Березкинымъ и Клаусомъ. Оба они—представители низшаго медицинскаго персонала Московскаго воспитательнаго дома.

Березкинъ, къ которому Пироговъ былъ очень привязанъ, заложилъ въ душу ребенка стремленіе къ широкой дѣятельности и увѣренность въ своихъ силахъ. „Онъ хвалилъ меня и величалъ,—говоритъ Пироговъ;—вѣрно, я для него былъ занимателенъ. Ну, смотри, братъ, изъ тебя выйдетъ, пожалуй, и большой человекъ: ты—умникъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ Березкинъ сообщалъ мальчику, на его разпросы, кое-что изъ медицины и подарилъ ему какой-то писанный на латинскомъ языкѣ сборникъ съ описаніемъ, въ алфавитномъ порядкѣ, растительныхъ веществъ, употребляемыхъ въ медицинѣ. За годъ и болѣе до вступленія на медицинскій факультетъ Пироговъ уже зналъ массу названій и терминовъ что и пригодилось ему впоследствии.

Другой, Клаусъ, оспопрививатель еще екатерининскихъ временъ, заинтересовалъ ребенка маленькимъ

микроскопомъ, всегда находившимся при немъ въ карманѣ. Пироговъ картинно описываетъ свое впечатлѣніе отъ демонстрацій этого микроскопа:

„Раскрывался черный ящичекъ, вынимался крошечный, блестящій инструментъ, брался цвѣтной лепестокъ съ какого-нибудь комнатнаго растенія, отдѣлялся иглою, клался на стеклышко, и все это дѣлалось тихо, чинно, аккуратно, какъ будто совершалось какое-то священнодѣйствіе. Я не сводилъ глазъ съ Андрея Михайловича и ждалъ съ замираніемъ сердца минуты, когда онъ приглашалъ взглянуть въ его микроскопъ.

„— Ай, ай, ай, какая прелесть! Отчего это такъ видно, Андрей Михайловичъ?

„— А это, дружокъ, тутъ стекла вставлены, что въ пятьдесятъ разъ увеличиваютъ. Вотъ, смотри-ка.—Слѣдовала демонстрація“.

Въ пансіонѣ Кряжева Пироговъ пробылъ всего два года. Въ продолженіе этого времени съ его семьей стряслись бѣды, въ концѣ концовъ, сведшія отца въ могилу. Прежде всего умерла отъ родовъ старшая замужняя сестра, черезъ годъ умеръ старшій братъ, другой старшій братъ проигрался въ карты и растратилъ казенныя деньги. Все это причинило отцу тяжелое горе, и большія траты, въ особенности поведеніе старшаго брата. Но самая большая изъ бѣдъ была та, которая въ конецъ разорила семью. Изъ Комиссаріатскаго депо, въ которомъ отецъ Пирогова служилъ казначеемъ, былъ отправленъ на Кавказъ комиссіонеръ Ивановъ съ порученіемъ отвезти туда 30.000 рублей. Этихъ денегъ Ивановъ не довезъ до мѣста: онъ исчезъ вмѣстѣ съ ними. Отецъ Пирогова присужденъ былъ ко взносу значительной части этой суммы. Имѣніе и все наличное было описано въ казну, а отецъ вышелъ въ отставку и

принужденъ былъ заняться исключительно частными дѣлами по имѣніямъ. Пошли долги.

Отецъ Пирогова ясно видѣлъ, что его смерть вызоветъ полную нищету семьи; поэтому онъ рѣшилъ взять сына изъ пансіона, платить въ который за него не хватало средствъ. Но что дѣлать съ мальчикомъ, по отзыву педагоговъ, весьма способнымъ? Обратились за совѣтомъ къ извѣстному уже изъ предыдущаго изложенія профессору Е. О. Мухину и получили его. Мухинъ предложилъ опредѣлить мальчика въ университетъ, обѣщая свое содѣйствіе на экзаменѣ.

Совѣтъ былъ принятъ, и по рекомендаціи секретаря университета былъ нанятъ студентъ-медикъ для подготовки тринадцатилѣтняго мальчика къ университетскому экзамену.

Подготовка была быстро закончена, и Пироговъ при поддержкѣ Мухина, который присутствовалъ на экзаменѣ по должности декана медицинскаго отдѣленія университета, хорошо выдержалъ экзаменъ и былъ принятъ въ число „своекоштныхъ студентовъ медицинскаго отдѣленія“ въ сентябрѣ 1824 года.

Характерная подробность: для пріемнаго экзамена необходимо было имѣть 16 лѣтъ, тогда какъ Пирогову было всего 13 лѣтъ и 10 мѣсяцевъ.

Для обхода закона былъ предпринятъ весьма простой способъ: вмѣсто метрики въ правленіе университета было представлено свидѣтельство, выданное все изъ того же Комиссаріатскаго депо, въ которомъ удостовѣрялось, что мальчику 16 лѣтъ.

Насколько дѣйствительно ребенкомъ былъ Пироговъ при поступленіи въ университетъ видно изъ того, что отецъ послѣ экзамена свезъ его въ кондитерскую, гдѣ и накормилъ „своекоштнаго студента-медика“ шоколадомъ...

II. Пироговъ въ университетѣ.

Московскій университетъ того времени далеко не стоялъ на уровнѣ современной ему науки. Лишь скромная группа профессоровъ, 5—10 человекъ, владѣли достаточнымъ запасомъ научныхъ знаній для хорошей постановки преподаванія своего предмета (между ними анатомъ Лодеръ и терапевтъ Мудровъ, много содѣйствовавшіе тому, что Пироговъ въ основу всей врачебной науки положилъ отчетливое знаніе анатоміи). Огромная же часть профессоровъ были чиновниками, жившими своею жизнью, далекою отъ науки.

Лекціи читались по руководствамъ XVIII вѣка, тогда какъ у самихъ студентовъ ходили уже по рукамъ учебныя книги XIX столѣтія. Тотъ самый, на примѣръ, проф. Мухинъ, который оказалъ значительное вліяніе на судьбу Пирогова, былъ, собственно, врачъ-практикъ и самоучка, — кажется, даже изъ военныхъ фельдшеровъ. По крайней мѣрѣ, студенты говаривали, что онъ былъ фельдшеромъ въ арміи Суворова. Въ университетѣ онъ читалъ физиологію. Лекціи его были до того безсвязны и безсодержательны, что Пироговъ, не пропускавшій ни одной его лекціи, ни разу не могъ дать себѣ отчета, уходя съ лекціи, о чемъ собственно читалось. Преподаваніе заключалось въ большинствѣ случаевъ въ простомъ прочтеніи тетрадокъ да изрѣдка черченіи на классной доскѣ. Наглядное и предметное преподаваніе было исключеніемъ. До какой степени курьезно было это прочтеніе тетрадокъ и какъ прекрасно понимали это студенты, можно судить по такому факту, о которомъ рассказываетъ Пироговъ: одинъ изъ профессоровъ былъ такъ слабъ глазами, что безъ очковъ не могъ ни одной буквы прочесть въ своей тетрадкѣ. Лишить его очковъ — значитъ сдѣлать лекцію невозможной.

Студенты замѣтили, что, приходя въ аудиторію, профессоръ снималъ очки и клалъ ихъ на кафедру въ определенномъ мѣстѣ. Воспользовавшись этой привычкой, они устроили такъ, что положенныя очки должны были неминуемо провалиться на дно кафедры. „Положеніе профессора было критическое; онъ, видимо, потерялъ голову и не зналъ, что ему дѣлать. Тогда тѣ же слушатели явились передъ нимъ совѣтниками на помощь: одинъ изъ нихъ, не долго думая, притащилъ отъ сторожа кочергу, запустилъ ее въ провалъ и началъ, къ ужасу профессора, ковырять ею во всѣ стороны такъ безжалостно, что очкамъ, очевидно, грозила опасность полного разрушенія. Вся аудиторія, между тѣмъ, собралась около кафедры и злополучнаго наставника; совѣтамъ, толкамъ, сожалѣніямъ не было конца, и вотъ, наконецъ, общимъ совѣтомъ рѣшили, что нѣтъ другого, болѣе надежнаго, средства сдѣлать лекцію возможною, т.-е. достать очки, какъ перевернуть кафедру вверхъ дномъ и вытрясти ихъ оттуда. Принялись за дѣло, увѣнчавшееся успѣхомъ: вытрясли полуразрушенныя кочергою очки; когда достигли этого результата и профессоръ разсматривалъ уныло нарушеніе цѣлости своего зрительнаго инструмента, въ аудиторію вошелъ другой профессоръ и остолбенѣлъ при видѣ необыкновеннаго зрѣлища. Такимъ образомъ лекціи, т.-е. прочтенію тетрадки, къ удовольствію многихъ слушателей, не суждено было состояться“.

Химія, предметъ немислимый безъ опытовъ, преподавалась такъ, что за цѣлый курсъ студенты не видали, не продѣлали ни одного опыта. Вся демонстрація состояла въ черченіи на доскѣ. Даже когда профессоръ химіи Страховъ читалъ, какъ дѣлаются термометры, онъ чертилъ мѣломъ на доскѣ, а у него въ аудиторіи сидѣло много такихъ, которые еще и въ жизни не имѣли термометра въ рукахъ, а видали его только издали.

Физику докторъ Веселовскій читалъ по тому же способу, какъ Страховъ химію: математическія формулы и разные машины и приборы изслѣдовались ежедневно лишь на черной доскѣ.

И это далеко не единичные факты. Терапевтъ Мудровъ, напримѣръ, пользовавшійся за свои знанія уваженіемъ студентовъ, читалъ, по словамъ Пирогова, „что называется, черезъ пень въ колоду, останавливаясь исключительно только на новомъ ученіи о горячках“. Пирогову онъ много принесъ пользы тѣмъ, что постоянно толковалъ о необходимости учиться патологической анатоміи, о вскрытіи труповъ и тѣмъ поселилъ въ немъ желаніе познакомиться съ этой наукой. Но самъ, когда одинъ студентъ при немъ началъ вскрывать кишку, убѣждалъ на самую верхнюю ступень анатомическаго амфитеатра, оправдывая свое бѣгство отъ патологической анатоміи тѣмъ, что „я де старъ, мнѣ не по силамъ нюхать вонь“ и т. п. Конечно, довѣріе къ его словамъ отъ такихъ дѣйствій жестоко подрывалось.

Хирургією, въ которой такъ много сдѣлано Пироговымъ, онъ вовсе не занимался въ Москвѣ. Наука эта была для него вовсе непонятною. Объ упражненіяхъ въ операціяхъ надъ трупами не было и помину, да и видѣть-то ему удалось лишь 2—3 за все время пребыванія въ Московскомъ университетѣ. Передъ лѣкарскимъ экзаменомъ нужно было лишь описать на словахъ или на бумагѣ какую-нибудь операцію.

Вообще изъ Московскаго университета Пироговъ вынесъ весьма ничтожный запасъ свѣдѣній, да и то свѣдѣнія эти были книжныя, тетрадочныя, не приобрѣтенныя путемъ наблюденія и опыта. Въ теченіе всего университетскаго курса онъ, по его словамъ, „не прочелъ ни одной книги, ни одного учебника, что называется отъ доски до доски, а только урывками, становясь въ пень передъ непонятными мѣстами“.

„Хорошъ я былъ лѣкарь,—говорить онъ,—съ моимъ дипломомъ, дававшимъ мнѣ право на жизнь и смерть, не выдавъ ни однажды тифознаго больного, не имѣвъ ни разу ланцета въ рукахъ! Вся моя медицинская практика въ клиникѣ ограничивалась тѣмъ, что я написалъ одну исторію болѣзни, видѣвъ только однажды моего больного въ клиникѣ и для ясности прибавивъ въ эту исторію такую массу вычитанныхъ изъ книгъ припадковъ, что она поневолѣ изъ исторіи превращалась въ сказку“.

Но университетъ произвелъ огромное вліяніе на Пирогова, перевернувъ все его традиціонное обрядово-религіозно-патріотическое міросозерцаніе, всосанное имъ въ родной семьѣ. Это вліяніе оказано было не лекціями профессоровъ, а товарищеской средой и естествознаніемъ самимъ по себѣ. Дѣло въ томъ, что Пироговъ хотя и былъ своекоштнымъ студентомъ, но вслѣдствіе отдаленности своего жилища отъ университета значительную часть времени проводилъ въ общежитіи для студентовъ, въ номерѣ, гдѣ жилъ студентъ-медикъ Θεоктистовъ, готовившій его въ университетъ. Компания студентовъ, обитателей этого номера, человекъ въ 10 (и номеръ ихъ назывался „№ 10“), въ большинствѣ были изъ духовнаго званія. Новенькаго четырнадцатилѣтняго студентика они снабдили такими знаніями, скорѣе такимъ настроеніемъ, которое вверхъ дномъ перевернуло все то, что едва складывалось въ немъ подъ вліяніемъ семьи.

Здѣсь его обстоятельно ознакомили съ римскими классиками, а также съ Шеллингомъ, Гегелемъ, здѣсь же ходили по рукамъ изданія декабристовъ. Вотъ маленькая сценка изъ перваго знакомства Пирогова съ № 10.

Большая комната, уставленная по стѣнамъ пустыми кроватями со столиками, быстро заполняется и номерными и другими студентами. Начинаются бесѣды, заку-

риванье трубокъ; говорятъ всѣ разомъ, ничего не разберешь; дымъ поднимается столбомъ.

„Является какой-то гость, хромой, блѣдный, съ растрепанными волосами. ...Говоритъ какъ-то захлебываясь отъ волненія и обдавая своихъ собесѣдниковъ брызгами слюны. Въ разговорахъ быстро, скачками переходитъ отъ одного предмета къ другому, не слушая или не дослушивая никакихъ возраженій. „Да что Александръ I,—куда ему,—онъ въ сравненіе Наполеону не годится! Вотъ геній, такъ геній!.. А читали вы Пушкина „Оду на вольность“? А? Это, впрочемъ, винегретъ какой-то. По-нашему не такъ: революція, такъ революція, какъ французская, съ гильотиною!“ И услыхавъ, что кто-то изъ присутствующихъ говорилъ другому что-то о бракѣ, онъ вдругъ обращается къ разговаривающимъ: „Да что тамъ толковать о женитьбѣ! Что за бракъ! На что его вамъ? ...Вѣдь это все ваши проклятые предрасудки: на-толковали вамъ съ дѣтства ваши маменьки, да бабушки, да нянюшки, а вы и вѣрите. Стыдно, господа, право, стыдно!“ А я-то,—говоритъ Пироговъ,—я стою и слушаю, ни одного слова не проронивъ. Вдругъ соскакиваетъ съ кровати студентъ Катоновъ, хватаетъ стулъ и—бацъ посрединѣ комнаты! „Слушайте, подлецы! — кричитъ Катоновъ. — Кто тамъ изъ васъ смѣетъ толковать о Пушкинѣ? Слушайте, говорю!“ вопить онъ во все горло, потрясая стуломъ, закатывая глаза, скрежеща зубами:

«Тебя, твой родъ я ненавижу,
Твою гибель, смерть дѣтей
Я съ злобой радостью увижу,
Ты ужасъ міра, стыдъ природы,
Упрекъ ты Богу на землѣ!..“

Въ концѣ-концовъ все вольнодумное сдѣлалось для Пирогова привычнымъ, и, приходя домой, онъ нерѣдко удивлялъ и огорчалъ своихъ домашнихъ, въ особенности

маменьку, смѣлыми отрицаніями. О богослуженіи, обрядахъ, таинствахъ и вообще о религіи Пироговъ отъ обитателей 10 номера наслышался такихъ вещей (въ огромномъ большинствѣ обитатели № 10 были изъ духовнаго званія), что „меня,—говоритъ онъ,—на первыхъ порахъ, съ непривычки, морозъ по кожѣ побиралъ“...

Что касается естествознанія, то оно, съ своимъ точнымъ методомъ, сомнѣніемъ ко всему, что не дано въ опытѣ, съ его раціонализмомъ и безсознательнымъ матеріализмомъ довершало ту работу мысли, которая была начата подъ вліяніемъ № 10.

Потомъ, кажется, подъ вліяніемъ знаменитыхъ естествоиспытателей Іоганна Мюллера и Рудольфа Вагнера, а также того, что онъ по свойству своей натуры не могъ не обращать взора на небо въ тяжкія минуты жизни, Пироговъ постарался примирить въ себѣ вѣру съ знаніемъ. Конечно, дѣтская непосредственность исчезла безъ слѣда, и духъ сомнѣнья и анализа глубоко врѣзался въ его религіозное міросозерцаніе и не былъ и не могъ быть покоренъ Пироговымъ при всемъ его стараніи. Онъ былъ глубоко искреннимъ человѣкомъ и не могъ лгать не только другимъ, но и, это главнымъ образомъ, самому себѣ. Вотъ почему онъ требовалъ полной свободы совѣсти. Полная свобода совѣсти,—говоритъ Пироговъ,—если и не существуетъ въ какомъ-либо государствѣ, то только по однимъ политическимъ (и обыкновенно невѣрнымъ) соображеніямъ, противорѣчащимъ слишкомъ явно духу ученія Христа, и потому временнымъ и преходящимъ (I т., 201 стр.).

Спустя около года послѣ вступленія Пирогова въ университетъ, неожиданно умеръ его отецъ, оставивъ семью въ тяжеломъ матеріальномъ положеніи. Черезъ

мѣсяцъ послѣ смерти отца все имущество Пирогова, недвижимое и движимое, было описано въ казну, и ни въ чемъ неповинная семья, состоявшая изъ нашего студента, матери и двухъ старшихъ сестеръ, была выброшена на улицу. Не явившись неожиданно помощь со стороны троюроднаго брата отца, Назарьева, самого обремененнаго семействомъ, Пироговымъ пришлось бы нищенствовать. Дядя предоставилъ имъ въ своемъ домѣ мезанинъ съ тремя комнатами и чердачкомъ. Кое-какія крохи, оставшіяся послѣ разгрома отцовскаго состоянія, недолго тянулись; мать и сестры Пирогова принялись за мелкія работы; одна изъ сестеръ поступила надзирательницею въ благотворительное дѣтское заведеніе въ Москвѣ и своимъ крохотнымъ жалованьемъ поддерживала существованіе семьи.

Черезъ годъ семья переѣхала на наемную квартиру, пустили нахлѣбниковъ и кое-какъ перебивались. Приходилось обращаться даже за помощью къ знакомымъ и патронамъ отца, дѣла которыхъ по имѣніямъ онъ велъ въ былыя времена. Однажды даже студентъ Пироговъ ходилъ съ большимъ сдобнымъ кренделемъ (хлѣбъ-соль) къ патрону отца, генералу Сипягину, поздравлять его съ женитьбой на второй женѣ послѣ вдовства, за что и получилъ отъ генерала 3 р. 12 коп. серебромъ. Тѣмъ не менѣе, мать не хотѣла, чтобы мальчикъ работалъ на себя (уроки) и еще менѣе того, чтобы онъ сдѣлался стипендіатомъ или казеннокоштнымъ; казенныя обязательства считались чѣмъ-то унижительнымъ. „Ты будешь,—говорила она,—чужой хлѣбъ заѣдать; пока хоть какая-нибудь есть возможность, живи на нашемъ“. Къ счастью, въ то время не платили за лекціи, не носили мундировъ, и даже когда введены были мундиры, то Пирогову сшили сестры изъ стараго фрака какую-то мундирную куртку съ краснымъ воротникомъ, и онъ, чтобы не обнаружить несоблюденія формы, сидѣлъ на

лекціяхъ въ шинели, выставляя на видъ только свѣтлыя пуговицы и красный воротникъ.

Съ моментомъ окончанія Пироговымъ университета совпалъ слѣдующій фактъ. Въ сферахъ обсуждался вопросъ о подъемѣ преподаванія въ университетахъ, находившагося въ весьма плачевномъ состояніи при министерствахъ кн. Голицына, Шишкова и попечительствѣ обскуранта Магницкаго. Академикомъ Парротомъ, который пользовался особеннымъ расположеніемъ и довѣріемъ Александра I, а потому и Николая I, былъ представленъ проектъ, существеннымъ пунктомъ котораго было подготовленіе русскихъ молодыхъ людей, кончившихъ курсъ въ разныхъ университетахъ, къ профессурѣ сначала (2—3 года) въ Дерптскомъ университетѣ, а затѣмъ за границу. Дерптскій университетъ славился составомъ профессоровъ и былъ единственнымъ у насъ университетомъ, стоявшимъ на должной научной высотѣ. Выборъ студентовъ и окончившихъ университетскій курсъ предоставленъ былъ совѣтамъ университетовъ.

Какъ только въ Москвѣ было получено предписаніе о выборѣ кандидатовъ въ профессорскій институтъ, Мухинъ приглашаетъ къ себѣ Пирогова и совѣтуетъ ему: „Вотъ, поѣхалъ бы! приглашаются только одни русскіе; надо пользоваться случаемъ“.

Пироговъ, нисколько не думая, согласился и выбралъ своею спеціальностью физиологію. Мухинъ былъ физиологъ; „вѣрно, мой выборъ будетъ ему по вкусу,—думалъ 16-лѣтній, юноша,—но не угадалъ“. Мухинъ наотрѣзъ отказалъ ему выбирать физиологію. Рѣшительное: „нельзя, выбери что-нибудь другое“, заставило его остановиться на хирургіи.

На другой день было произведено испытаніе (профессору нужно имѣть громкій голосъ и хорошіе дыха-

тельные органы, потому и предложено было Пирогову Мухинымъ прочитать огромный періодъ въ изданной имъ физиологіи Ленгоссэна), и имя Пирогова было внесено въ списокъ желающихъ, т.-е. будущихъ членовъ профессорскаго института. „Только покончивъ все это дѣло, я возвратился домой и объявилъ моимъ домашнимъ торжественно и не безъ гордости, что „ѣду путешествовать на казенный счетъ“.

„Знаю, знаю, — замѣтилъ случившійся тутъ портной, позванный для исправленія шинели будущаго профессора, — слыхаль: значить, ѣдете открывать неизвѣстные острова и земли“.

Семейные не оказали никакого сопротивленія, и вскорѣ, послѣ двухъ испытаній: въ Москвѣ на лѣкаря, въ Петербургѣ—спеціальнаго (по хирургіи), мы видимъ Пирогова въ Дерптѣ.

III. Пребываніе въ Дерптѣ.

Каѳедру хирургіи въ Дерптскомъ университетѣ занималъ въ то время профессоръ Мойеръ. Это былъ, по выраженію Пирогова, талантливый лѣнивонецъ. Ко времени прибытія въ Дерптъ Пирогова Мойеръ къ своей наукѣ уже былъ довольно холоденъ: читалъ мало, операцій, въ особенности трудныхъ и рискованныхъ, не дѣлалъ, частной практики почти не имѣлъ, и въ клиникѣ нерѣдко бѣольшая часть кроватей оставались незамѣщенными.

Но прибытіе Пирогова, а также Лноземцева, Даля и Лингарда изъ русскихъ университетовъ для подготовки къ профессорству по хирургіи оживили научный интересъ Мойера. вмѣстѣ съ ними онъ занимался по цѣлымъ часамъ препарированіемъ надъ трупами въ анатомическомъ театрѣ. Своимъ практическимъ умомъ и осно-

вательнымъ образованіемъ Мойеръ приносилъ истинную пользу своимъ ученикамъ.

Пироговъ близко сошелся съ семьей Мойера и за все время пребыванія въ Дерптѣ каждую свободную минуту проводилъ тамъ и даже столовался.

Въ Дерптѣ Пироговъ сдѣлался, по его выраженію, отчаяннымъ специалистомъ.

„Съ рвеніемъ и юношескимъ пыломъ,—говоритъ Пироговъ,—принялся я за мою науку; не находя много занятій въ маленькой клиникѣ, я почти всецѣло отдался изученію хирургической анатоміи и производству операцій надъ трупами и живыми животными. Я былъ въ то время безжалостенъ къ страданіямъ. Однажды, я помню, это равнодушіе мое къ мукамъ животныхъ при вивисекціяхъ поразило меня самого такъ, что я, съ ножомъ въ рукахъ, обратившись къ ассистировавшему мнѣ товарищу, невольно вскрикнулъ:

„— Вѣдь такъ, пожалуй, легко зарѣзать и человѣка“.

Онъ массу и съ такимъ же рвеніемъ читалъ, изучая вопросы хирургіи и анатоміи по монографіямъ. Онъ такъ увлекся своею спеціальностью, что совершенно прекратилъ посѣщеніе лекцій по другимъ предметамъ. На лекціяхъ онъ спалъ, не могъ ихъ слушать. Профессора жаловались Мойеру, что Пироговъ не посѣщаетъ ихъ лекцій, профессоръ химіи даже прижалъ его на семестровомъ экзаменѣ; Мойеръ увѣщевалъ Пирогова не пренебрегать другими науками, но все оказалось напраснымъ. Дѣло дошло до того, что Пироговъ рѣшилъ не держать экзамена на докторскую степень и сообщилъ объ этомъ Мойеру. Мойеръ, конечно, отговорилъ его отъ этого, увѣряя, что экзаминаторы примутъ во вниманіе его отличныя занятія анатоміею и хирургіею и будутъ весьма снисходительны.

Здѣсь Пироговъ создалъ свой новый методъ анатомическаго изслѣдованія не путемъ изолированія частей

другъ отъ друга, съ удаленіемъ связывающей ихъ клетчатки помощью ножа, а путемъ распиловъ черезъ замороженные трупы. При такомъ способѣ изслѣдованія вполне сохранялось нормальное положеніе органовъ и соотношеніе частей. Капитальнымъ трудомъ Пирогова по анатоміи является именно его знаменитая топографическая анатомія по распиламъ черезъ замороженные трупы. Самая идея эта явилась слѣдствіемъ того, что въ Дерптѣ былъ большой недостатокъ труповъ; трупы получались большею частью изъ Риги, по почтѣ и зимою почти всегда замерзшіе. Работа надъ такими замерзшими трупами и должна была, естественно, породить Пироговскій методъ анатомическаго изслѣдованія

Работа Пирогова въ Дерптѣ лишь первое время находилась подъ руководствомъ Мойера, вскорѣ же она сдѣлалась совершенно самостоятельной. Медицинскій факультетъ предложилъ на золотую медаль хирургическую тему о перевязкѣ артерій. Пироговъ взялся писать на эту тему. Цѣлые дни проводилъ онъ въ анатомическомъ театрѣ надъ препарированьемъ различныхъ областей, занимаемыхъ артеріальными стволами, дѣлалъ опыты съ перевязками артерій на собакахъ и телятахъ, много читалъ, компилировалъ и писалъ. Диссертация въ 50 писчихъ листовъ, съ нѣсколькими рисунками въ краскахъ съ его препаратовъ, вышла на славу и заставила о себѣ заговорить и студентовъ и профессоровъ. Пироговъ былъ награжденъ золотою медалью.

Въ концѣ-концовъ Пироговъ все-таки рѣшился итти на докторскій экзаменъ, несмотря на то, что, углубляясь все больше и больше въ свою спеціальность, къ экзамену онъ не приготавливался. Желая показать факультету, что онъ идетъ на экзаменъ не самъ, а его посылаютъ насильно, Пироговъ выкинулъ, по его словамъ, весьма неприличную штуку. Въ Дерптѣ дѣлались тогда экзамены на степень на дому у декана. Докторантъ

присылалъ на домъ къ декану обыкновенно чай, сахаръ, нѣсколько бутылокъ вина, тортъ и шоколадъ для угощенія собравшихся экзаминаторовъ и свидѣтелей. Пироговъ ничего этого не сдѣлалъ, и деканъ Ратке принужденъ былъ подать экзаминаторамъ свой чай. Жена Ратке бранила за это Пирогова на чемъ свѣтъ стоитъ. Тѣмъ не менѣе, экзаменъ сошелъ благополучно, какъ и увѣрялъ Мойеръ, и Пироговъ принялся за диссертацию, которая его заняла больше чѣмъ на цѣлый годъ.

Темой для диссертациіи онъ избралъ вопросъ о перевязкѣ брюшной аорты. Операція эта только однажды была произведена на живомъ человѣкѣ Астлеемъ Куперомъ, и случай этотъ окончился смертью. Надо было рѣшить, дѣйствительно ли эта операція можетъ быть произведена съ надеждою на успѣхъ. Пироговъ сталъ дѣлать опыты надъ животными, стремясь экспериментальнымъ путемъ рѣшить вопросъ. Диссертациія вышла настолько интересная, что когда Пироговъ, въ бытность въ Берлинѣ, представилъ ее знаменитому тогда Опицу, то онъ тотчасъ же велѣлъ перевести ее съ латинскаго, на которомъ она была написана, на нѣмецкій языкъ.

30 ноября 1832 года, т.-е. 22 лѣтъ отроду, Пироговъ, послѣ защиты диссертациіи, былъ удостоенъ ученой степени доктора медицины.

Послѣ полученія ученой степени предстояла поѣздка на два года за границу, а затѣмъ профессура. Пироговъ мечталъ о профессурѣ въ родной Москвѣ.

Въ Дерптѣ вмѣсто двухъ или трехъ лѣтъ Пироговъ пробылъ цѣлыхъ пять лѣтъ. Причина — польская революція 1830—1831 годовъ.

Долгое пребываніе въ нѣмецкомъ городѣ оставило на Пироговѣ весьма замѣтное вліяніе. Онъ научился здѣсь уважать и цѣнить нѣмцевъ.

„Я остался русскимъ въ душѣ, сохранивъ и хорошія и дурныя свойства моей національности, но съ нѣмцами

и съ культурнымъ духомъ нѣмецкой націи остался навсегда связаннымъ узами уваженія и благодарности, безъ всякаго пристрастія къ тому, что въ нѣмцѣ дѣйствительно нестерпимо для русскаго, а можетъ-быть, и вообще для славянина“.

Пріѣзжая передъ защитою диссертациі въ Москву къ матери, Пироговъ возмущался некультурностью русскихъ, заносчивостью и невѣжествомъ. Все тутъ казалось ему отсталымъ, пошлымъ и смѣшнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ это пребываніе въ Москвѣ убѣдило его окончательно въ преимуществѣ и высотѣ нравственнаго и научнаго уровня въ Дерптѣ.

Пробывъ четыре года въ прибалтійскомъ свободномъ краѣ, Пироговъ не могъ равнодушно смотрѣть на двухъ крѣпостныхъ, старую и молодую, дѣвушекъ, принадлежащихъ его матери, и настаивалъ, чтобы мать отпустила ихъ на волю. Въ концѣ-концовъ это и удалось ему сдѣлать, но не теперь, а въ 1840 году. Несмотря на полное согласіе матери, отпустить рабынь на волю было нельзя, такъ какъ у матери не было (затерялся) документа на владѣніе ими. Лишь въ 1840 году, при помощи подкупа квартальнаго надзирателя, семьѣ Пирогова удалось дать волю своей слугѣ.

Слѣдуетъ еще упомянуть объ одномъ случаѣ изъ дерптской жизни Пирогова, имѣя въ виду, главнымъ образомъ, педагоговъ. Часто учителю приходится разбираться въ вопросѣ о дѣтскихъ кражахъ, и мы не прочь при этомъ съ легкимъ сердцемъ клеймить ребенка, заподозрѣннаго въ воровствѣ. Вотъ самый фактъ

Пироговъ обыкновенно страдалъ въ Дерптѣ отсутствіемъ денегъ. Расходы на покупку животныхъ для вивисекцій были такъ велики, что изъ своего тысячерублеваго жалованья (ассигнаціями), при готовой квартирѣ, онъ не только не могъ помогать матери, но и самъ еле сводилъ концы съ концами. Часто къ концу мѣсяца

онъ сидѣлъ безъ чаю и сахару, и въ такихъ случаяхъ чай замѣнялся мятой и шалфеемъ. Въ Дерптѣ Пироговъ жилъ одно время въ одной квартирѣ съ товарищемъ по профессорскому институту Иноземцевымъ, къ которому онъ относился далеко не ровню. Въ одинъ изъ безденежныхъ дней „меня чортъ попуталъ, — говоритъ Пироговъ, — взять тайкомъ три-четыре куска сахару изъ жестянки Иноземцева. Онъ какъ-то замѣтилъ и заперъ жестянку. О, позоръ! — восклицаетъ Пироговъ, — дорого бы я далъ, чтобы это не было былью“. Не только этотъ фактъ воровства вспоминаетъ Пироговъ. Онъ еще утаилъ три книги. „Когда хотѣлъ ихъ возвратить, то было некому, или отъ стыда откладывалъ все и откладывалъ возвращеніе“.

Черезъ полгода послѣ защиты диссертациі, въ маѣ 1833 года, получено было разрѣшеніе на командировку въ Берлинъ. Наука въ Берлинѣ въ 1830 годахъ была въ превосходномъ состояніи. Это было время перехода, и весьма быстраго, медицины къ реализму; началось торжественное вступленіе ея въ разрядъ точныхъ наукъ. До этого времени практическая медицина почти совершенно была изолирована отъ главныхъ ея реальныхъ основъ — анатоміи и физиологіи. Даже хирургія имѣла мало общаго съ анатоміею. Самъ знаменитый хирургъ Рустъ въ своей клинической лекціи при Пироговѣ выразился такъ: „Я забылъ, какъ тамъ называются эти двѣ кости стопы: одна выпуклая, какъ кулакъ, а другая вогнутая въ суставъ; такъ вотъ отъ этихъ двухъ костей и отнимается передняя часть стопы“.

Но Пироговъ былъ далеко не тѣмъ зеленымъ студентомъ, какимъ онъ ѣхалъ въ Дерптъ. Насколько тогда онъ мало зналъ, настолько теперь былъ во всеоружіи знанія. Свой реализмъ онъ вполне самостоятельно выработалъ въ Дерптѣ и готовымъ привезъ въ Берлинъ. Въ Дерптѣ у него было мало труповъ для

того, чтобы выработать изъ себя клинициста. Пирогову необходимо было лишь позаняться въ большихъ заграничныхъ клиникахъ подъ руководствомъ выдающихся клиницистовъ. Въ Берлинѣ Пироговъ работалъ у профессора Шлемма по анатоміи и оперативной хирургіи на трупахъ, слушалъ клиническія лекціи хирурга Руста, былъ практикантомъ (велъ больныхъ) у Грефе въ хирургической и главной клиникахъ и занимался оперативной хирургіей у Дифенбиха.

Все это были свѣтила того времени, изъ нихъ Грефе— истинный виртуозъ-операторъ. Оперировалъ онъ необыкновенно скоро, ловко и гладко. Но и отъ этого виртуоза Пироговъ получилъ похвалу за быстроту и ловкость трехъ операцій, сдѣланныхъ имъ при Грефе, да къ тому же неудобными инструментами, придуманными послѣднимъ. „Грефе и не зналъ, — говоритъ по этому поводу Пироговъ, — что эти операціи я сдѣлалъ бы вдесятеро лучше, если бы не дѣлалъ ихъ неуклюжими, мнѣ несподручными инструментами“.

Больше всего повліялъ на Пирогова знаменитый геттингенскій профессоръ Лангенбекъ. Это былъ хирургъ, отличавшійся отчетливымъ знаніемъ анатомическаго положенія частей и основанными на этомъ знаніи, имъ изобрѣтенными, оперативными способами. Лангенбекъ былъ гигантъ ростомъ и развитіемъ скелета и мышцъ, но при всемъ этомъ оперировалъ скоро, научно, оригинально. Онъ въ совершенствѣ владѣлъ замѣчательнымъ искусствомъ приспособленія при операціяхъ движенія ногъ и всего туловища къ дѣйствию оперирующей руки, и это дѣлалось не случайно, не какъ-нибудь, а по известнымъ правиламъ, указаннымъ опытомъ. У Лангенбека Пироговъ и научился этому весьма важному приему. Кромѣ того, Лангенбекъ возводилъ въ принципъ — при производствѣ хирургическихъ операцій избѣгать давленія рукою на ножъ и пилу. — „Ножъ долженъ быть смыч-

комъ въ рукѣ настоящаго хирурга“. И Пироговъ строго соблюдалъ это правило. Вообще Пироговъ съ благодарностью всегда вспоминалъ этого хирурга.

Двухлѣтнее пребываніе будущихъ профессоровъ за границею приближалось къ концу. Передъ окончаніемъ пребыванія за границею они получили отъ министра Уварова запросъ, въ какомъ университетѣ они желали бы получить каѳедры. Пироговъ, конечно, отвѣтилъ, — въ Москвѣ, на родинѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ извѣстилъ объ этомъ мать и просилъ ее распорядиться съ квартирой и проч.

Въ маѣ 1835 года въ почтовомъ дилижансѣ онъ, вмѣстѣ съ товарищемъ Котельниковымъ, отправился черезъ Кенигсбергъ въ Россію.

Еще за два дня до отъѣзда изъ Берлина онъ почувствовалъ себя плохо. Полагая, что дорога благотѣльно подѣйствуетъ на него, онъ спокойно сѣлъ въ дилижансъ. Но по дорогѣ расхворался и въ Ригѣ принужденъ былъ лечь въ госпиталь. Здѣсь ему пришлось пролежать около двухъ мѣсяцевъ. По выздоровленіи онъ сдѣлалъ въ госпиталѣ нѣсколько блестящихъ операцій и прочиталъ ординаторамъ нѣсколько лекцій изъ хирургической анатоміи и оперативной хирургіи. Эти лекціи были такъ хороши, что одинъ изъ старыхъ ординаторовъ, кончившій курсъ въ Іенѣ, благодаря его, сказалъ: „Вы насъ научили тому, чего и наши учителя не знали“.

Въ сентябрѣ 1835 года Пироговъ поѣхалъ въ Петербургъ. По дорогѣ онъ заѣхалъ на нѣсколько дней въ Дерптъ къ Мойеру, и здѣсь первой новостью, которую онъ услышалъ, была та, что на каѳедру хирургіи въ его родномъ городѣ, Москвѣ, былъ назначенъ Иноземцевъ

Это извѣстіе произвело на Пирогова чрезвычайное впечатлѣніе. „Всѣ надежды, — говоритъ онъ, — всѣ счаст-

ливья мечты, все пошло прахомъ... Спѣшить было некуда. Одно дѣйствіе на сценѣ жизни кончилось, занавѣсъ опустился“. Пироговъ остался въ Дерптѣ.

IV. Профессорство въ Дерптѣ и петербургская дѣятельность.

Въ Дерптѣ Пироговъ принялся посѣщать хирургическую клинику университета. Мойеръ въ то время былъ ректоромъ университета и клинику не посѣщаль. Ею руководилъ ассистентъ Мойера, молодой Струве. Въ это время въ клиникѣ собрались четыре интересныхъ случая: мальчикъ съ камнемъ въ пузырь и три другихъ больныхъ, съ полипомъ, застилавшимъ всю полость носа и зѣва, съ опухолью подчелюстной железы, величиною съ кулакъ, и съ сухой гангреной отъ обжога всего предплечья. Мойеръ поручилъ Пирогову распорядиться съ этими больными, и молодой хирургъ распорядился. Одинъ изъ бывшихъ въ Берлинѣ съ Пироговымъ студентъ разсказалъ о томъ, какъ быстро Пироговъ дѣлаетъ литотомію на трупахъ, а также и о другихъ его оперативныхъ подвигахъ въ Берлинѣ, и вслѣдствіе этого набралось много зрителей смотрѣть, какъ и какъ скоро онъ сдѣлаетъ литотомію у живого. Пироговъ приготовился дѣлать операцію по всѣмъ правиламъ техники. Многіе зрители вынули часы. „Разъ, два, три — не прошло и двухъ минутъ, какъ камень былъ извлеченъ“. Всѣ, не исключая и Мойера, смотрѣвшаго на подвигъ Пирогова, были изумлены. „Въ двѣ минуты, даже менѣе двухъ, это удивительно!“ слышалось со всѣхъ сторонъ. Съ такимъ же эффектомъ были произведены и остальные операціи, въ особенности извлеченіе громаднаго полипа вмѣстѣ съ костями (носовыми раковинами и стѣною верхнечелюстной пазухи) черезъ большой разрѣзъ носа.

Съ этого времени начали почти ежедневно являться въ клинику оперативные случаи, всецѣло поступавшіе въ распоряженіе Пирогова. Клиника, по словамъ студентовъ, ожила.

Вскорѣ Мойеръ пригласилъ къ себѣ Пирогова, и между ними произошелъ такой разговоръ:

— Не хотите ли вы, — предлагаетъ Мойеръ, — занять мою кафедру въ Дерптѣ?

Пироговъ изумился:

— Да какъ же это можетъ быть? Да это невысказано, невозможно!

— Я хочу только знать, — отвѣчаетъ Мойеръ, — желаете ли вы?

— Что же, — говоритъ Пироговъ, собравшись съ духомъ, — кафедра въ Москвѣ для меня потеряна; теперь мнѣ все равно, гдѣ я буду профессоромъ.

— Ну, такъ дѣло въ шляпѣ. Сегодня я предлагаю васъ факультету и извѣщу потомъ министру; а когда узнаю, какъ онъ посмотритъ на это дѣло, то предложеніе пойдетъ и въ совѣтъ, а вы покуда подождите здѣсь, въ Дерптѣ, а потомъ поѣзжайте въ Петербургъ ждать окончательнаго рѣшенія.

Факультетъ выбралъ Пирогова единогласно въ экстраординарные профессора, министръ извѣстилъ, что онъ ничего не имѣетъ противъ избранія Пирогова на кафедру хирургіи въ Дерптѣ. Надо было отправляться въ Петербургъ, представиться министру и ждать тамъ окончательнаго рѣшенія объ избраніи совѣтомъ университета.

Въ Петербургѣ министръ началъ хвалить Пирогова, говоря ему, что слышалъ о немъ съ разныхъ сторонъ хорошіе отзывы. „Почему бы, — говоритъ Пироговъ по этому поводу, — ему нельзя было нѣсколько повременить и не отдавать мнѣ назначеннаго мѣста другому“.

Ожидая окончательнаго рѣшенія совѣта университета, Пироговъ, чтобы не сидѣть сложа руки, началъ

посѣщать петербургскіе госпитали, преимущественно Обуховскую больницу и больницу Маріи Магдалины. Въ Обуховской больницѣ Пироговъ радушно былъ встрѣченъ ординаторами, въ особенности бывшими студентами Дерптскаго университета. Какъ и въ Ригѣ, госпитальные врачи при первомъ же знакомствѣ изъявили желаніе выслушать у Пирогова курсъ хирургической анатоміи. Наука эта и у насъ и въ Германіи была еще такъ нова, что многіе изъ врачей не знали даже ея названія.

Испрошено было разрѣшеніе государя, такъ какъ „въ русскомъ царствѣ, — говоритъ Пироговъ, — нельзя было прочесть и курса анатоміи при госпиталѣ, не доведя при этомъ до свѣдѣнія главы государства“.

Обстановка лекцій была самая жалкая. Покойницкая Обуховской больницы состояла изъ одной небольшой комнаты, плохо вентилированной, довольно грязной, освѣщаемой сальными свѣчами. Слушателей набиралось всегда болѣе двадцати. Днемъ Пироговъ въ госпиталяхъ производилъ операціи, а также приготавливалъ препараты и готовился къ лекціямъ, вечеромъ читалъ лекціи. Обыкновенно на нѣсколькихъ трупахъ имъ демонстрировалось положеніе частей какой-либо области, и тутъ же дѣлались на другомъ трупѣ всѣ операціи, производящіяся на этой области, съ соблюденіемъ требуемыхъ хирургическою анатоміею правилъ. Этотъ наглядный способъ особенно заинтересовалъ слушателей; онъ для всѣхъ нихъ былъ новъ, хотя почти всѣ слушали курсы и въ заграничныхъ университетахъ.

„Несмотря на усиленную дѣятельность съ ранняго утра до поздней ночи, меня не тяготила, — говоритъ онъ, — эта жизнь; мнѣ жилось привольно въ своемъ элементѣ. Цѣлое утро въ госпиталяхъ—операціи и перевязки оперированныхъ, потомъ въ покойницкой Обуховской больницы—изготовление препаратовъ для вечернихъ

лекцій. Лишь только темнѣло, бѣгу въ трактиръ на углу Сѣнной и ѣмъ пироги съ подливкой. Вечеромъ, въ 7—опять въ покойницкую и тамъ до 9; оттуда позовутъ куда-нибудь на чай, и тамъ до 12. И это изо дня въ день“.

Выборы Пирогова въ совѣтъ затянулись. Противъ него возстали преимущественно теологи. Дерптскіе богословы открыли какой-то законъ перваго основателя Дерптскаго университета, Густава Адольфа шведскаго, по которому одни только протестанты могли быть профессорами университета. Совѣтскіе споры тянулись до конца февраля 1836 года. Пироговъ началъ бомбардировать Мойера письмами, объявивъ ему, наконецъ, что рѣшается принять кафедру въ Харьковѣ, которая ему была предложена попечителемъ, гр. Головнинымъ. Наконецъ въ мартѣ получено было извѣстіе о его окончательномъ избраніи въ экстраординарные профессора, и вскорѣ въ Дерптѣ его привѣтствовалъ попечитель Крафтштремъ, какъ перваго русскаго, избраннаго университетомъ въ профессора чисто-научнаго предмета. До сихъ поръ въ Дерптѣ русскіе профессора избирались лишь только для одного русскаго языка и то за неимѣніемъ нѣмцевъ, знакомыхъ хорошо съ русскою литературою.

„Вотъ я, наконецъ, — восклицаетъ Пироговъ, — профессоръ хирургіи и теоретической, и оперативной, и клинической! Одинъ, нѣтъ другого. Это значило, что я одинъ долженъ былъ: 1) держать клинику и поликлинику, по малой мѣрѣ, 2½—3 часа въ день; 2) читать полный курсъ теоретической хирургіи 1 часъ въ день; 3) оперативную хирургію и упражненія на трупахъ — 1 часъ въ день; 4) офтальмологію и глазную клинику — 1 часъ въ день; итого—6 часовъ въ день. Но шести часовъ почти никогда не хватало; клиника и поликлиника брали гораздо болѣе времени, и приходилось 8 часовъ въ день. Положивъ столько же часовъ на отдыхъ, оста-

валось еще отъ сутокъ 8 часовъ, и вотъ они-то, всѣ эти 8 часовъ, и употреблялись на приготовленіе къ лекціямъ, на эксперименты надъ животными, на анатомическія изслѣдованія для задуманной мною монографіи и, наконецъ, на небольшую хирургическую практику въ маленькомъ городѣ“.

Свою работу въ университетѣ Пироговъ велъ замѣчательно добросовѣстно. Онъ никогда не читалъ лекціи прежде, чѣмъ обстоятельно не приготовится къ ней и не изложитъ своихъ мыслей на бумагу. Составленные имъ записки занимали 300 листовъ мелкаго письма. Лекціи свои онъ читалъ на ломаномъ нѣмецкомъ языкѣ, и, несмотря на это, нѣмцы слушали его съ удовольствіемъ. Свои лекціи онъ старался дѣлать какъ можно болѣе наглядными. Не только трупами и операціями пользовался Пироговъ для демонстраціи, но и производилъ вивисекціи, опыты надъ животными. „Такое преподаваніе хирургіи, котораго никогда не видали въ Дерптѣ, ни до ни даже послѣ Пирогова, да и вообще врядъ ли гдѣ и въ другомъ университетѣ, способно было въ высшей степени привлечь слушателей и помочь имъ уяснить и усвоить слышанное изъ устъ профессора“ (Малисъ). Что касается научной добросовѣстности Пирогова, то она буквально выходила изъ ряда вонъ. „Я убѣдился,— говоритъ онъ,— достаточно, что нерѣдко принимались мѣры въ знаменитыхъ клиническихъ заведеніяхъ не для открытія, а для затемненія научной истины. Было вездѣ замѣтно стараніе продать товаръ лицомъ. И это бы еще ничего. Но съ тѣмъ вмѣстѣ товаръ худой и недоброкачественный продавался за хорошій, и кому?—Молодежи неопытной, незнакомой съ дѣломъ, но инстинктивно ищущей научной правды. Видѣвъ все это, я положилъ себѣ за правило, при первомъ моемъ вступленіи на кафедру, ничего не скрывать отъ моихъ учениковъ, и если не сейчасъ же, то потомъ, и не медля открывать

передъ ними сдѣланную мною ошибку,—будетъ ли она въ діагнозѣ или въ лѣченіи болѣзни“.

Съ этой цѣлью Пироговъ издалъ свои „Анналы (лѣтописи) хирургической клиники“ за первые два года своего профессорства. Онъ весьма спѣшилъ съ изда-ніемъ этихъ лѣтописей, чтобы не дать ученикамъ возможности упрекать его въ намѣреніи выиграть время для скрытія правды. Въ предисловіи къ „Анналамъ“ Пироговъ заявляетъ, что пишетъ эту книгу не для того, чтобы служить молодымъ врачамъ примѣромъ дѣйствій при постели больного, а для того, чтобы не служить имъ. Анналы эти представляютъ собраніе клиническихъ лекцій Пирогова и описаніе случаевъ, наблюдавшихся въ клиникѣ. Пироговъ не щадилъ себя и описалъ весьма подробно всѣ свои промахи и ошибки, сдѣланные при постели больного. Обычно клиническіе отчеты составлялись какъ разъ обратно тому, что сдѣлалъ Пироговъ: выбираютъ наиболѣе блестящіе клиническіе случаи въ смыслѣ діагноза или лѣченія и о нихъ-то и говорятъ въ отчетѣ. Какое впечатлѣніе производили эти Анналы, можно судить по такому факту. Когда они печатались, цензоръ, профессоръ минералогіи Энгельгардтъ, неожиданно является къ ихъ автору, вынимаетъ изъ кармана одинъ листъ Анналовъ, читаетъ вслухъ, взволнованнымъ голосомъ и со слезами на глазахъ откровенное признаніе Пирогова въ грубѣйшей ошибкѣ діагноза, въ одномъ случаѣ причинившей смерть больному; а за признаніемъ слѣдовалъ упрекъ своему тщеславію и самомнѣнію. „Прочитавъ, Энгельгардтъ жметъ мою руку, обнимаетъ меня и, растроганный до нельзя, уходитъ. Этой сцены я никогда не забуду,—говоритъ авторъ, — она была слишкомъ отрадна для меня“.

Критикуя себя безпощадно въ своихъ лѣтописяхъ Пироговъ не предполагалъ, что найдутся охотники вос-

пользоваться его положеніемъ и вновь выставить на видъ уже опубликованныя имъ ошибки. Охотники нашлись. Хорошій пріятель Пирогова, д-ръ Задлеръ, написалъ въ одномъ нѣмецкомъ журналѣ огромную критическую статью, въ которой Пирогову, конечно, досталось. Пироговъ и въ этомъ случаѣ сдѣлалъ то, чего другой не сдѣлалъ бы на его мѣстѣ. Со статьей въ рукахъ онъ явился въ аудиторію и доказалъ, что въ этой статьѣ еще многія изъ его ошибокъ не были выставлены. Послѣ этого слушатели стали вдвое болѣе вѣрить Пирогову.

Отношенія студентовъ къ Пирогову вначалѣ были далеко не ровныя. Споры въ совѣтѣ перешли въ ряды студентовъ, и естественно, что встрѣченъ онъ былъ далеко не ласково. Лекціи свои онъ читалъ на ломаномъ нѣмецкомъ языкѣ, и на первой лекціи студенты хохотали надъ его рѣчью. Но черезъ двѣ-три лекціи студенты забыли о недостаткахъ построенія предложеній. Одинъ изъ его учениковъ, Фробекъ, говоритъ по этому поводу: „Удивительно было, да и рѣдко вообще можетъ случиться, чтобы человѣкъ, встрѣченный съ негодованіемъ, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль сдѣлался многоуважаемымъ, любимымъ массою молодыхъ людей. Только такому даровитому человѣку, какимъ былъ Пироговъ, и возможно было этого достигнуть такъ скоро“.

Взаимныя отношенія молодого профессора и студентовъ были почти товарищескія. Послѣ вечернихъ обходовъ клиники Пироговъ со слушателями очень часто заходилъ въ квартиру ассистента, и здѣсь велась совершенно непринужденная бесѣда часовъ до 11—12.

Каждую субботу вечеромъ человѣкъ 10—15 собирались у Пирогова къ чаю. Разговоры были всегда очень оживленные, научные и ненаучные, веселые и остроумные (Мались).

Слушать лекціи Пирогова по такому спеціальному предмету собирались не только студенты-медики, а и студенты другихъ факультетовъ — такъ были онѣ интересны.

Въ теченіе пяти лѣтъ профессуры въ Дерптѣ Пироговъ издалъ два тома клиническихъ анналовъ на нѣмецкомъ языкѣ, на томъ же языкѣ монографію о перерѣзаніи ахиллесова сухожилія и хирургическую анатомію артеріальныхъ стволловъ и фасцій на латинскомъ и нѣмецкомъ языкѣ.

Послѣднее произведеніе сразу завоевало Пирогову имя въ наукѣ и считается классическимъ по этому вопросу.

Пироговъ былъ оцѣненъ университетомъ по достоинству, и на другой же годъ избрали его въ ординарные профессоры, а на слѣдующій годъ отправили на средства университета въ Парижъ съ ученой цѣлью, гдѣ онъ и пробылъ девять мѣсяцевъ.

По возвращеніи въ Дерптъ началась снова кипучая работа. Извѣстность Пирогова быстро выростала. Дерптская клиника всегда была полна (22 кровати), мѣстъ не хватало. Пироговъ долженъ былъ расширить свою дѣятельность и на сосѣднія губерніи. Въ вакаціонное время онъ совершаетъ поѣздки въ Ригу и Ревель. По дорогѣ въ различныхъ мѣстахъ онъ, вмѣстѣ съ своими ассистентами, останавливался, и къ нему стекались больные. Рассказываютъ, что передъ пріѣздомъ Пирогова пасторы объявляли въ церквахъ, что въ такой-то день пріѣдетъ хирургъ изъ Дерпта, и больные шли. Одинъ изъ пріятелей Пирогова эти экспедиціи называлъ, вслѣдствіе множества проливавшейся крови, „чингисхановыми нашествіями“.

Въ Дерптѣ Пироговъ пробылъ 5 лѣтъ (съ 1836 по 1841 годъ). Въ 1841 году Пироговъ былъ приглашенъ въ Петербургъ профессоромъ госпитальной хирургіи и

прикладной знатоміи и назначенъ завѣдывать всѣмъ хирургическимъ отдѣленіемъ 2 военно-сухопутнаго госпиталя съ званіемъ главнаго врача хирургическаго отдѣленія. Врачебныя и учебныя занятія Пирогова по этому отдѣленію госпиталя, заключающему въ себѣ до 1.000 кроватей были исключительны по своей энергіи.

Въ госпиталѣ Пироговъ встрѣтилъ нѣчто невообразимое.

Молодому и энергичному хирургу предстояло совершить „одинъ изъ подвиговъ Геркулеса — превратить авгіевы конюшни 2 военно-сухопутнаго госпиталя въ благоустроенныя госпитальныя клиники“.

Несмотря на чрезвычайное противодѣйствіе, вплоть до стремленія обвинить Пирогова въ умопомѣшательствѣ и посадить въ больницю для душевно-больныхъ, онъ превратилъ клинику въ образцовую высшую школу русскаго хирургическаго образованія. Хирургическая кафедра академіи была поставлена имъ на такую высоту, до которой та не поднималась ни до ни послѣ него (Флоринскій).

Кромѣ этой въ высшей степени благотворной дѣятельности, Пироговъ въ Петербургѣ былъ выбранъ въ члены медицинскаго совѣта Министерства Внутреннихъ дѣлъ и, позднѣе, въ члены комитета для предварительнаго соображенія мѣръ къ преобразованію медицинской учебной части въ заведеніяхъ Мин. Нар. Просв., гдѣ и имѣлъ возможность осуществить свой взглядъ на постановку высшаго образованія въ Россіи.

„Всѣ дѣла и даже выборы медицинскаго факультета, всѣхъ русскихъ университетовъ, — говоритъ онъ, — проходили черезъ наши руки, особливо же вновь учреждавшійся въ то время медицинскій факультетъ Кіевскаго университета“. Всѣ прогрессивныя требованія факультетовъ, прибавляетъ по этому поводу біографъ Пи-

рогова Мались, находили тамъ и поддержку и дальнѣйшее развитіе.

Своими заслугами въ этомъ отношеніи Пироговъ считаетъ новую (современную) постановку факультетскихъ экзаменовъ на учен. степени, введеніе демонстративныхъ испытаній изъ анатоміи, терапіи и хирургіи, учрежденіе новой каѳедры во всѣхъ университетахъ госпитальной хирургіи и терапіи).

Вмѣстѣ съ тѣмъ Пироговъ задумалъ преобразовать преподаваніе анатоміи введеніемъ систематическихъ практическихъ занятій на трупахъ. Съ этой цѣлью онъ, вмѣстѣ съ профессоромъ Бэрромъ и Зейдлицемъ, внесъ въ конференцію академіи предложеніе объ учрежденіи особаго анатомическаго института. Проектъ въ 1846 г. получилъ Высочайшее утвержденіе, и Пироговъ былъ назначенъ директоромъ новоучрежденнаго института. Организованный имъ институтъ „скоро стяжалъ себѣ громкую научную извѣстность и получилъ значеніе истинной научной школы, давшей Россіи цѣлую плеяду анатомовъ и хирурговъ“ (Флоринскій).

Въ институтѣ Пироговъ экспериментально изслѣдовалъ вопросъ объ обезболиваніи операцій помощью эфирнаго и хлороформеннаго наркоза. Вопросъ былъ новый. Лишь въ 1846 году были произведены первыя операціи подъ наркозомъ.

Вскорѣ Пироговъ задумалъ примѣнить наркозъ при оказаніи хирургическихъ пособій на полѣ сраженія. Онъ получилъ командировку на Кавказъ, бывшій постояннымъ театромъ военныхъ дѣйствій, для распространенія среди врачей кавказскаго округа этеризаціи, какъ болеутоляющаго средства при операціяхъ. Цѣль научнаго путешествія была достигнута съ блестящимъ успѣхомъ. Пироговъ произвелъ подъ наркозомъ до 700 операцій. „Чтобы убѣдить раненыхъ въ болеутоляющемъ дѣйстви эфирныхъ паровъ, Пироговъ сталъ нарочно оперировать

въ присутствіи другихъ раненыхъ. Такая наглядная система оказала весьма благотворное вліяніе на раненыхъ, и они съ охотою подвергали себя наркозу. Въ виду такого эффекта Пироговъ допустилъ присутствовать и здоровымъ солдатамъ въ тѣхъ же цѣляхъ“ (Малисъ).

Въ 1848 году Пироговъ изучаетъ азіатскую холеру. За время эпидеміи этого года въ Петербургѣ онъ произвелъ болѣе 800 вскрытій труповъ холерныхъ больныхъ и результаты своихъ изслѣдованій изложилъ въ солидномъ трудѣ: „Патологическая анатомія азіатской холеры“.

Въ академіи Пироговъ пробылъ съ 1841 по 1854 г. Профессоръ военно-хирургической академіи В. М. Флоринскій, оцѣнивая дѣятельность въ ней Пирогова, пишетъ: „невольнo останавливаешься на мысли, какъ много можетъ сдѣлать одинъ человекъ, одаренный талантомъ и запасомъ энергіи. Онъ, какъ высокій артистъ на сценѣ, не только въ совершенствѣ исполняетъ свою роль, но дѣйствуетъ возвышающимъ образомъ на окружающую среду, производитъ обаятельную атмосферу, въ которой и другіе, менѣе талантливые артисты, чувствуютъ подъемъ своихъ силъ“.

У. Пироговъ въ Крыму (въ 1854—1855 гг.).

1854—1855 годы въ русской исторіи являются годами глубокаго перелома въ воззрѣніяхъ русскаго общества, вызваннаго севастопольской эпопеей. Севастопольскія пушки разбили иллюзію мощи и крѣпости русскаго государства, указали, что, если Россія не пойдетъ по пути прогресса, то гибель ея неизбѣжна.

Нечего и говорить, что начало войны было періодомъ энтузіазма. Многіе лучшіе русскіе люди рвались на театръ военныхъ дѣйствій, чтобы помочь родинѣ въ годину испытаній.

Пироговъ съ первымъ раскатомъ севастопольскаго грома изъявилъ полную готовность „употребить всѣ силы и познанія для пользы арміи на боевомъ полѣ“. Но просьба его о командировкѣ на театръ военныхъ дѣйствій долгое время ходила по инстанціямъ. Раненые гибли въ Севастополѣ тысячами, а первый хирургъ въ странѣ какъ милости просилъ дать ему возможность оказывать имъ посильную помощь.

Наконецъ великая княгиня Елена Павловна сама взялась разрѣшить его просьбу. Она задумала организовать женскій уходъ за ранеными и больными на полѣ сраженія и предложила Пирогову самому избрать медицинскій персоналъ и взять управленіе всѣмъ дѣломъ на себя.

Официально Пироговъ былъ командированъ по Высочайшему повелѣнію въ распоряженіе главнокомандующаго „для ближайшаго наблюденія за успѣшнымъ лѣченіемъ раненыхъ“, что создавало ему особое положеніе въ глазахъ военной и военно-врачебной администраціи.

Трудно представить себѣ, что встрѣтилъ Пироговъ на театрѣ военныхъ дѣйствій. Еще не доѣзжая Севастополя, онъ въ Бахчисараѣ столкнулся съ невообразимымъ хаосомъ, царившимъ въ сферѣ помощи раненымъ и больнымъ. Въ Бахчисараѣ онъ вмѣстѣ съ Шеншинымъ, командированнымъ главнокомандующимъ для осмотра и организаціи временныхъ госпиталей въ Бахчисараѣ и Севастополѣ, отправился осматривать временный госпиталь. „Описать,—говоритъ онъ,—что мы нашли въ этомъ госпиталѣ, нельзя. Горькая нужда, славянская беззаботность, медицинское невѣжество и татарская нечисть соединились вмѣстѣ въ баснословныхъ размѣрахъ въ двухъ казарменныхъ домишкахъ, заключавшихъ въ себѣ 360 больныхъ, положенныхъ на нарахъ одинъ возлѣ другого, безъ промежутковъ, безъ порядка, безъ разницы, съ нечистыми вонючими ранами возлѣ чистыхъ,

въ пространствѣ по благоусмотрительному челоѣколюбію врача и зрителя, герметически запертыхъ при температурѣ слишкомъ 18°Р., не перевязанныхъ болѣе сутокъ, вѣроятно, также изъ челоѣколюбія. Врачъ и его помощникъ, одинъ ординаторъ, оба безотвѣтны пѣшки, торчали тутъ и служили живымъ укоромъ со еловію и администраціи. Шеншинъ, очевидно, доброжелатель и ревностный, но еще молодой и незнакомый съ дѣломъ челоѣкъ, убѣдившись нашими доказательствами, что онъ завелъ насъ не въ госпиталь, а въ нужникъ, разразился надъ комиссаромъ, зашедъ въ сарай, гдѣ нашлись спрятанными кухонные котлы, существованіе которыхъ онъ признавалъ недоказаннымъ. Крикливыя угрозы быть разжалованнымъ въ солдаты и „подлеца“ опытный въ своемъ дѣлѣ комиссаръ съѣлъ, не поморщившись, приложивъ два пальца къ козырьку и сказавъ про себя: „видали мы этакихъ“. Только въ Бахчисараѣ я началъ предвидѣть, въ какомъ состояніи найду раненыхъ защитниковъ Севастополя, но все-таки то, что послѣ нашель, превзошло всю мѣру моихъ опасеній“.

Пироговъ встрѣтилъ въ Севастополѣ все, что хотите, только не патріотизмъ, не честность, не благородное отношеніе къ дѣлу, не порядокъ. Чтобы характеризовать администрацію въ крымскую кампанію, достаточно одной фразы Пирогова: „Въ то время, когда вся Россія щипала корпю для Севастополя, корпиею этою перевязывали англичанъ, а у насъ была только солома“.

Въ Севастополѣ Пироговъ проявилъ колоссальную энергію, распорядительность и самоотверженіе. Но препятствія, которыя приходилось ему преодолевать тамъ были настолько велики, что и его желѣзная энергія и настойчивость не могли ихъ преодолѣть. Онъ пробылъ въ Севастополѣ (въ двѣ поѣздки) около 9½ мѣсяцевъ. Въ первую свою поѣздку, послѣ 6-мѣсячной работы и

борьбы съ темными силами, Пироговъ совершенно измучился и физически и нравственно. Раскрывшіяся здѣсь язвы администраціи приводили его въ трепеть. Въ письмѣ своей женѣ отъ 22 апрѣля онъ пишетъ: „Видишь передъ собою не русскихъ людей, единодушно согласившихся умереть или отстоять, а какой-то хаосъ мнѣній и взглядовъ, изъ которыхъ только одно явствуетъ, что никто ничего не понимаетъ, и всякій подставляетъ ногу другому... Русскій Богъ великъ,—да, но и русскіе подлецы велики. Если взглянуть на эту смѣсь нашей посредственности, безталантства, односторонности и низости, то поневолѣ начинаешь опасаться за участь Севастополя“.

Въ этомъ письмѣ отъ 22 апрѣля, а затѣмъ въ письмахъ отъ 30 апрѣля, 3 и 14 мая онъ такъ описываетъ положеніе раненыхъ въ Севастополѣ и свое отношеніе къ начальству и врачамъ: „Со вчерашняго дня пошелъ дождь, и мои больные, которые третьяго отправились, на сѣверную сторону, вѣрно, лежатъ теперь или, лучше, плаваютъ въ грязи на своихъ матрацахъ. Я сейчасъ ѣду смотрѣть ихъ.“

„Пріѣхалъ и видѣлъ, что они лежатъ въ грязи, какъ свиньи, съ отрѣзанными ногами. Я, разумѣется, объ этомъ сейчасъ же доношу главнокомандующему, а тамъ злись на меня, кто какъ хочетъ, я плюю на все. О, какъ будутъ рады многія начальства здѣсь,—которыхъ я также бомбардирую, какъ бомбардируютъ Севастополь,—когда я уѣду. Я знаю, что многіе этого только и желаютъ. Это знаютъ и прикомандированные ко мнѣ врачи, знаютъ, что ихъ заѣдятъ безъ меня, и поэтому, несмотря на всѣ увѣщанія и обѣщанія, хотятъ за мною бѣжать безъ оглядки... Страшить не работа, не труды, рады стараться, а эти укоренившіяся преграды что-либо сдѣлать полезное,—преграды, которыя растутъ, какъ головы гидры: одну отрубишь, другая выставится... Ты не повѣришь, какъ мнѣ здѣсь надоѣло смотрѣть и слушать

всѣ военныя интриги; не нужно быть большимъ стратегомъ, чтобы понимать, какія здѣсь дѣлаются глупости и пошлости, и видѣть, изъ какихъ ничтожныхъ людей состоятъ штабы; самые дѣльные изъ военныхъ не скрываютъ грубыя ошибки, нерѣшительность и бессмыслицу, господствующую здѣсь въ военныхъ дѣйствіяхъ... Куда-нибудь уѣхать въ глушь, не слышать и не видѣть ничего, кромѣ окружающаго, теперь самое лучшее. Если прислушаешься, то голова идетъ кругомъ отъ всѣхъ глупостей и безразсудностей, которыя узнаешь“.

Крымская война,—говоритъ Малисъ,—легла мрачной и гнетущею тучей на отзывчивую душу Пирогова. Когда кончилась война, Пироговъ въ глубокомъ раздумьѣ остановился передъ только что завершившеюся историческою драмою, но не съ точки зрѣнія той науки, свой опытъ и знанія въ которой онъ самоотверженно прилагалъ въ осажденномъ городѣ. Врачъ и хирургъ уступилъ въ немъ мѣсто патріоту и мыслителю. На ряду съ „огромными, вонючими ранами, заражавшими воздухъ вредными для здоровья испареніями“, Пирогова поразили другія, не менѣе вонючія, не менѣе огромныя и не менѣе заражающія воздухъ язвы нравственнаго организма русскаго общества. Какъ помочь этому горю? И Пироговъ поставилъ діагнозъ болѣзни и предложилъ новый методъ лѣченія этого, дотолѣ мало интересовавшаго его организма.

Пироговъ покинулъ хирургию и выступилъ въ роли педагога.

VI. Педагогическое ученіе и дѣятельность Пирогова.

Послѣ Крымской войны намѣчались реформы: крестьянская, судебная и др. Между прочимъ, намѣчалось преобразование и военно-морскихъ учебныхъ заведеній. Во главѣ морского вѣдомства стоялъ въ то время искренній сторонникъ реформъ великій князь Константинъ Ни-

колаевичъ. Органъ морского министерства, журналъ „Морской Сборникъ“, бывшій раньше простымъ спеціальнымъ журналомъ, никѣмъ не читаемымъ, сдѣлался проводникомъ гуманныхъ идей того времени. Имѣя въ виду преобразование военно-морскихъ учебныхъ заведеній, редакция этого журнала помѣстила статью Бема о воспитаніи вообще и вмѣстѣ съ тѣмъ предложила желающимъ высказаться на страницахъ „Морского Сборника“ по этому предмету. На этотъ призывъ отозвался между прочими и Пироговъ, и въ іюльской книжкѣ журнала за 1856 г. появилась его статья „Вопросы жизни, отрывки изъ забытыхъ бумагъ“.

Въ эпиграфѣ къ этой статьѣ Пироговъ поставилъ новую цѣль воспитанія, въ разрѣзъ съ официально признанными взглядами того времени. Дѣло въ томъ, что до сего времени воспитаніе считалось ступенью къ государственной службѣ. Творцомъ свѣтской школы является Петръ I. Для отправленія усложнившейся съ его преобразованиями государственной службы ему необходимы были люди теоретически подготовленные, необходимы были приказные, офицеры, архитекторы, доктора, инженеры, моряки и т. д. Обойтись тѣмъ контингентомъ чиновничества, который онъ принялъ отъ предшественниковъ Петръ не могъ и со свойственнымъ ему жаромъ принялся за насажденіе въ Россіи различныхъ профессиональныхъ школъ. Появляются цифирныя школы, школа математическихъ и навигацкихъ наукъ, инженерная, артиллерійская и т. д. „Школа и государственная служба составляли одно цѣлое, всё петровскія и позднѣйшія до Екатерины II узаконенія о школахъ собственно суть узаконенія о службѣ гражданской, военной, морской и духовной (Каптеревъ). Школьная повинность была своего рода рекрутчиной, обязательной повинностью для дѣтей дворянъ и духовенства. Въ нихъ царилъ свирѣпая дисциплина. За проступки на учащихся налага-

лись уголовныя кары: плети, батоги, тюремный арестъ отдача въ солдаты безъ выслуги. Петръ приказалъ, для унятія крика и безчинства выбрать изъ гвардіи отставныхъ добрыхъ солдатъ, а быть имъ по человѣку въ каждой каморѣ во время ученія и имѣть хлысть въ рукахъ; а буде кто изъ учениковъ станетъ безчинствовать, онымъ бить, несмотря какой бы онъ фамиліи ни былъ“. Школы, повторяемъ, были чисто-профессіональныя, никакихъ воспитательныхъ задачъ они себѣ не ставили, кромѣ воспитанія суровой дисциплины и преклоненія предъ авторитетомъ. Петровская закваска дѣйствовала съ небольшими перерывами при Екатеринѣ и отчасти Александрѣ I, вплоть до Пирогова. Она развилась особенно широко въ николаевскую эпоху. Основнымъ стремленіемъ школьной николаевской политики было стремленіе сдѣлать образованіе строго-сословнымъ, причислить каждое сословіе къ опредѣленной для него школѣ и ни въ какія другія не пускать. Общее образованіе и развитіе казалось не только бесполезнымъ, но даже вреднымъ, умственнымъ развратомъ. Государству нужны не люди, а профессіоналы разныхъ сортовъ и видовъ. Правительство отказывалось смотрѣть на подданныхъ, какъ на людей, какъ на гражданъ (Каптеревъ). „Повсюду предметы ученія и самые способы преподаванія должны быть, — пишетъ императоръ Николай въ рескриптѣ на имя министра народнаго просвѣщенія Шишкова въ 1827 г., — соображаемы съ будущимъ вѣроятнымъ предназначеніемъ обучающихся, чтобы каждый, вмѣстѣ съ здоровыми, для всѣхъ общими, понятіями о вѣрѣ, законахъ и нравственности, пріобрѣталъ познанія, наиболее для него нужныя, могущія служить къ улучшенію его участи, и не бывъ ниже своего состоянія, также не стремился черезъ мѣру возвыситься надъ тѣмъ, въ коемъ, по обыкновенному теченію, ему суждено оставаться“.

Преимущественное назначеніе учебныхъ заведеній, по мнѣнію комитета, обсуждавшаго проектъ устава гимназіи 1828 года, состоитъ въ слѣдующемъ: а) училища приходскія учреждаются для дѣтей крестьянъ, мѣщанъ и ремесленниковъ низшаго класса; б) уѣздныя училища для дѣтей купечества, промышленниковъ и людей свободнаго состоянія; в) гимназіи для посвящающихъ себя различной государственной службѣ дѣтей дворянъ и чиновниковъ, не исключая, впрочемъ, и другія свободныя состоянія, кромѣ крѣпостныхъ и казенныхъ крестьянъ. Таковъ строй школъ николаевской эпохи и таковы задачи воспитанія.

Въ своей статьѣ „Вопросы жизни“ Пироговъ рѣзко разошелся съ господствовавшимъ направлениемъ официальной педагогики, подвергнулъ это направленіе сокрушительной критикѣ и поставилъ совершенно новыя задачи воспитанія и образованія. Собственно отъ него и ведетъ начало современная русская педагогія, онъ вдохнулъ въ нее душу живу.

Новая цѣль воспитанія, выдвинутая Пироговымъ, выражена имъ въ самомъ началѣ статьи, въ эпиграфѣ, слѣдующаго содержанія:

„Къ чему вы готовите вашего сына?“ кто-то спросилъ меня.

— Быть человѣкомъ,—отвѣтилъ я.

„Развѣ вы не знаете,—сказалъ спросившій,—что людей собственно нѣтъ на свѣтѣ: это одно отвлеченіе, вовсе ненужное для нашего общества. Намъ необходимы негоціанты, солдаты, механики, моряки, врачи, юристы, а не люди“.

„Правда это или нѣтъ?“

Спрашиваетъ онъ и отвѣчаетъ въ статьѣ. Жизнь людей совершенно не исчерпывается ихъ службой и работой, она несравненно шире и глубже; лишь тѣ, кто отъ природы получилъ жалкую привилегію на идиотизмъ

и кто не имѣетъ никакой претензіи на умъ и чувство, бессознательно идутъ, повинуюсь разъ данному толчку. Развитое чувство индивидуальности вселяетъ въ насъ отвращеніе къ людямъ, двигающимся по инерціи. Остальнымъ же жизнь ставитъ рядъ основныхъ вопросовъ, настойчиво требуя отвѣта. Вотъ эти вопросы: въ чемъ состоитъ цѣль жизни, каково наше назначеніе, къ чему мы призваны, чего должны искать мы. Воспитаніе должно бы было готовить насъ къ рѣшенію этихъ вопросовъ. Но не къ рѣшенію столбовыхъ вопросовъ жизни оно готовится насъ, а къ рѣшенію практическихъ меркантильныхъ вопросовъ, оставляя въ сторонѣ все то, что является основнымъ, существеннымъ.

Между тѣмъ замолчать ихъ, не подготовить человѣка къ ихъ рѣшенію разумнымъ воспитаніемъ значитъ поставить его въ условія наименѣе благопріятныя къ ихъ правильному рѣшенію. Рано или поздно предъ человѣкомъ, имѣющимъ притязаніе на умъ и чувство, они встанутъ во всемъ своемъ объемѣ. Плохо то, что полжизни уже будетъ прожито. Состояніе человѣка, предъ которымъ встали такіе вопросы, и вмѣстѣ съ тѣмъ всю нелѣпость современной ему системы воспитанія Пироговъ описываетъ такъ:

„Представьте себѣ, что вы, по милости другихъ особъ, которыхъ вы и въ лицо не знаете, родились на свѣтъ. Васъ, не спросясь, окрестили. Вы, въ свою очередь, также никого не спросясь, выросли. Понемногу Богу одному извѣстно для чего, въ васъ родилось желаніе, что называется, осмотрѣться.

„До сихъ поръ на всемъ пространствѣ земли вы составляли одинъ общій классъ счастливыхъ существъ, который самимъ Искупителемъ былъ поставленъ въ образецъ человѣчеству.

„Теперь, осмотрѣвшись, вы уже распались на нѣсколько различныхъ видовъ.

„Осмотрѣвшись, вы видите себя въ мундирѣ съ краснымъ воротникомъ; всѣ пуговицы застегнуты и все, какъ слѣдуетъ, въ порядкѣ. Вы и прежде слышали, что вы—мальчикъ. Теперь вы это видите на дѣлѣ.

„Вы спрашиваете, кто вы такой.

„Вамъ отвѣчаютъ, что вы — ученикъ гимназіи и со временемъ, — прибавляютъ вполголоса, — можетъ-быть, попадете въ кандидаты трехсотъ (т.-е. въ университетъ) ¹⁾. Вамъ весело.

„Вотъ первый видъ.

„Осмотрѣвшись, вы видите себя въ мундирѣ съ зеленымъ воротникомъ и съ золотою петлицею.

„Вы спрашиваете, что это значить.

„Вамъ отвѣчаютъ самодовольно, что вы — ученикъ школы правовѣдѣнія, будете навѣрше столоначальникомъ, потомъ прокуроромъ, и если, Богъ дастъ, успѣете состарѣться, то и сенаторомъ. Вы очень рады.

„Вотъ второй видъ.

„Осмотрѣвшись, вашъ взоръ останавливается на красномъ кантикѣ мундира и на погончикахъ воротника. Вы тоже спрашиваете.

„Вамъ отвѣчаютъ громко и отрывисто, что вы—кадетъ и будущій офицеръ, генераль, адмираль, генераль-губернаторъ, министръ или, по крайней мѣрѣ, попечитель учебныхъ заведеній. Вы въ восхищеніи.

„Вотъ третій видъ.

„Вы осмтрѣлись и видите, что вы въ юбкѣ. Шнуровка, волосы и все въ порядкѣ. Вы и прежде слышали, что вы—дѣвочка; теперь вы это видите на дѣлѣ. Вы очень довольны, что вы не мальчикъ, дѣлаете книксенъ и спрашиваете: что теперь дѣлать? Вамъ отвѣчаютъ: учитесь французскому языку, играйте на фортепіано, танцуйте и держите себя хорошо. Вы очень рады: дѣ-

¹⁾ Въ университетѣ одно время пріемъ былъ ограниченъ нормой въ 300 человекъ.

лаете опять книксенъ и ревностно принимаетесь опять за эти предметы.

„Вотъ четвертый, но еще не послѣдній видъ.

„Проходятъ годы. Выросши до нельзя изъ себя, вы начинаете уже расти въ себя. Вы уже замѣчаете, что вы—студентъ, окончившій курсъ, правовѣдъ IX класса, офицеръ и дѣвушка-невѣста.

„На этотъ разъ вы уже не спрашиваете, кто вы такой и что вамъ дѣлать. Вы увѣрены, что и сами знаете, что теперь дѣлать.

„Священникъ объяснялъ вамъ откровеніе. Привилегированные гувернеры, инспекторы, субъ-инспекторы, гувернантки, а иногда и сами родители, смотрѣли за вашимъ поведеніемъ. Всевидящее око администраціи наблюдало, чтобы науки и искусства были вамъ излагаемы въ духѣ извѣстныхъ началъ. Прозорливая цензура не давала вамъ читать безнравственныхъ книгъ. Отцы, опекуны, высокіе покровители и благодѣтельное начальство открыли вамъ путь къ карьерѣ.

„Послѣ такой обработки, кажется, вамъ ничего болѣе не остается дѣлать, какъ только то, что пекущимся объ васъ *хотѣлось*, чтобы вы дѣлали. Это значитъ, чтобы вы, какъ струна, издавали извѣстный звукъ.

„.. Но не тутъ-то было“.

„Вы достигли теперь уже того періода жизни, въ которомъ и умъ и чувство начинаютъ сильно тревожить васъ: первый—задавая вамъ такіе вопросы, которыхъ вы не въ состояніи рѣшить; второй—поджигая противъ васъ безпрестанно инстинкты и чувственность“.

Вникая дальше въ окружающую жизнь и сопоставляя ее съ основой нравственности, о которой онъ узналъ въ школѣ, съ откровеніемъ, человекъ долженъ будетъ замѣтить безусловное противорѣчіе между откровеніемъ и жизнью. „Вы видите, — продолжаетъ Пироговъ, — что окружающая васъ толпа разыгрываетъ грязныя вакха-

наліи паганізма, которыя откровеніе объявило роковою препоною къ достиженію истиннаго счастья... Видя это, вамъ невольно приходитъ на мысль, что вы *мистифицированы*".

Подготовка къ спеціальной работѣ, а не къ жизни, учить не жизни, а удаленію отъ ея вопросовъ,—вотъ къ чему готовить школа. Прокуроровъ, офицеровъ, чиновниковъ, невѣсть, а не людей готовить она.

Мистификаціей называетъ Пироговъ современную ему систему воспитанія. Разноцвѣтный воротникъ мундира, французскій языкъ, стройные аккорды клавикордъ,—все это „чадъ разгуля“, все это „Вальпургіева ночь земного бытія“, „вакханалія чародѣйства“; такое воспитаніе ни на іоту не приближаетъ къ высокому идеалу „человѣка“, который рисуетъ Пироговъ въ своей статьѣ.

Крымскій погромъ показалъ Пирогову, что въ Россіи ощущается огромная нужда въ людяхъ-гражданахъ, въ людяхъ, которые живутъ не для пріобрѣтенія матеріальныхъ выгодъ и удобствъ, не для „трудоу и наслажденій“, не для того, чтобы „ходить въ церковь, молиться, вставая, ложась спать и даже передъ обѣдомъ по святцамъ, сохранять посты и уповать“, и даже не для того, чтобы „трудиться, исполнять свои обязанности, быть полезнымъ другимъ и себѣ“, а для того, чтобы „совершенствоваться, облагораживать матерію въ себѣ и потомствѣ“. „Жить совершенствуясь“ — значитъ „быть человѣкомъ“.

Развить въ человѣкѣ способность къ отвлеченію, къ наблюденію надъ самимъ собою, къ строгому анализу своихъ чувствъ и настроеній, воспитать волю, способность къ вдохновенію, готовность къ самопожертвованію за высокіе идеалы, воспитать чувство участія и сочувствія, научить любить все высокое и прекрасное,—искусство, вдохновеніе, науку,—такова задача истиннаго воспитанія внутренняго человѣка.

Вопросы, которыхъ касается Пироговъ въ своей статьѣ, выстраданы, перечувствованы имъ, тонъ ея глубоко искренній, и этимъ объясняетъ Ушинскій то огромное вліяніе, которое она оказала на педагоговъ и общество.

Свою статью онъ называетъ проповѣдью. Онъ зоветъ въ ней людей къ перевоспитанію самихъ себя, рисуется тяжелый, но вмѣстѣ съ тѣмъ и радостный процессъ перевоспитанія, борьбы съ заложенными въ насъ инстинктами, выработки въ себѣ челоуѣка, сознательно относящагося ко всему, борца за высокіе идеалы правды и добра съ окружающимъ мракомъ невѣжества.

Въ своей статьѣ онъ не дѣлаетъ различія между воспитаніемъ мужчины и женщины. Для женщинъ онъ требуетъ такого же воспитанія, какъ и для мужчинъ. Раннее развитіе мышленія и воли для женщины такъ же нужно, какъ и для мужчины. „Чтобы усладить сочувствіемъ жизнь челоуѣка, чтобы быть сопутницей въ его борьбѣ, ей нужно знать искусство понимать, ей нужна самостоятельная воля, чтобы жертвовать, мышленіе, чтобы избирать и чтобы имѣть ясную и свѣтлую идею о цѣли воспитанія дѣтей“. „Только торговый матеріализмъ и невѣжественная чувственность,—говоритъ Пироговъ,—видятъ въ женщинѣ существо подвластное и ниже себя“.

Статья Пирогова „Вопросы жизни“ чрезвычайно трудно поддается пересказу. Мы не передали даже и небольшой части ея содержанія. Лучше прочесть ее въ подлинникѣ, обстоятельно передумать каждую мысль Пирогова, въ ней изложенную, чтобы понять причину того вліянія, которое она оказала на общество.

Добролюбовъ такъ описываетъ впечатлѣніе, произведенное ею на общество: „Многія изъ статей „Морского Сборника“ о воспитаніи находили сочувствіе въ читателяхъ, но ни одна изъ нихъ не имѣла такого полнаго

и блестящаго успѣха, какъ „Вопросы жизни“ г. Пирогова. Они поразили всѣхъ и свѣтлостію взгляда, и благороднымъ направлениемъ мыслей автора, и пламенной живой діалектикой, и художественнымъ представленіемъ затронутаго вопроса. Всѣ, читавшіе статью г. Пирогова, были отъ нея въ восторгѣ, всѣ о ней говорили, разсуждали, дѣлали свои соображенія и выводы. Въ этомъ случаѣ общество предупредило даже литературную критику, которая только подтвердила общія похвалы, не пускаясь въ подробный анализъ статьи и не дѣлая никакихъ своихъ заключеній. Это... тѣмъ болѣе замѣчательно, что статья Пирогова вовсе не отличается какими-нибудь сладкими разглагольствованіями или пышными возгласами для усыпленія нерадивыхъ отцовъ и воспитателей, вовсе не старается поддѣлаться подъ существующій порядокъ вещей, а напротивъ, бросаетъ прямо въ лицо всему обществу горькую правду; не обинуясь говоритъ о томъ, что у насъ есть дурного, смѣло и горячо, во имя высочайшихъ вѣчныхъ истинъ, преслѣдуетъ мелкіе интересы вѣка, узкія понятія, своекорыстныя стремленія, господствующія въ современномъ обществѣ. Сочувствіе публики къ такой статьѣ имѣетъ глубокой, святой смыслъ. Значить... общество наше хочетъ и умѣетъ, по крайней мѣрѣ, понимать, что хорошо и справедливо, къ чему должно стремиться... Съ глубокой радостью и искреннимъ сочувствіемъ привѣтствуемъ этотъ благородный порывъ русскихъ людей“...

„Читая Пирогова,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—мы чувствуемъ, что его разсужденія въ высшей степени просты и естественны, и въ то же время мы невольно смущаемся, сознавая, что не можемъ, со всѣми нашими такъ называемыми успѣхами, выдержать самой легкой его критики. Въ самомъ тонѣ его мы находимъ какую-то особенную силу и самобытность, недостижимую для большей части другихъ, даже очень почтенныхъ людей.

Духомъ правды, благородства и глубокаго убѣжденія вѣетъ на насъ все написанное имъ, и, читая его, мы убѣждаемся, что истинно надежнымъ и всегда полезнымъ дѣятелемъ у насъ можетъ быть только тотъ, кто не склоняется робко передъ тѣмъ, что мы называемъ разными житейскими конвенансами, кто прямо и твердо идетъ по своей дорогѣ, не позволяя себѣ никакихъ виляній ни одного двусмысленнаго движенія. Слыша энергическій голосъ, подобный тому, какой раздается въ „Вопросахъ жизни“, невольно начинаешь чувствовать, какъ пошло и какъ гадко многое, на что въ другое время смотришь равнодушно и снисходительно“.

Статья Пирогова служитъ началомъ новаго направленія въ русской педагогii, которое Каптеревъ называетъ „гуманистическимъ направлениемъ“. Съ тѣхъ поръ всѣ, и педагоги и не-педагоги, заговорили о воспитаніи „человѣка“, а не спеціалиста. Аксиомой педагогii сталъ афоризмъ Пирогова: „всѣ, готовящіеся быть полезными гражданами, должны сначала научиться быть людьми“. „Изъ устъ Пирогова, одного изъ талантливѣйшихъ спеціалистовъ своего времени,—говоритъ Стоюнинъ,—были многозначительны такія слова: „истинные спеціалисты никогда не нуждались такъ сильно въ предварительномъ общечеловѣческомъ образованіи, какъ именно въ нашъ вѣкъ. Односторонній спеціалистъ есть или грубый эмпирикъ, или уличный шарлатанъ... Нѣтъ ни одной потребности для какой бы то ни было страны, болѣе существенной и болѣе необходимой, какъ потребность въ истинныхъ людяхъ“.

Въ то время министромъ народнаго просвѣщенія былъ Норовъ. Статья всѣмъ извѣстнаго и всѣми уважаемаго Пирогова обратила на себя вниманіе министра. Къ тому времени, въ декабрѣ 1855 года, учреждены были особые попечители въ тѣхъ округахъ, гдѣ прежде эта должность соединена была съ генераль-губернатор-

скою. Пирогову было предложено мѣсто попечителя Одесскаго учебнаго округа. Онъ принялъ предложеніе и 3 сентября 1856 года былъ назначенъ исправляющимъ должность попечителя. Здѣсь Пироговъ пробылъ всего два года. Въ Одессѣ онъ произвелъ цѣлый рядъ улучшеній и нововведеній, несмотря на кратковременное пребываніе свое здѣсь. Фактическимъ контролемъ преподаванія въ гимназіяхъ, обставленнымъ весьма просто ¹⁾, свободными и задушевными бесѣдами съ преподавателями Пироговъ стремился—и это ему удавалось—улучшить преподаваніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ организовалъ литературныя бесѣды въ гимназіяхъ для учениковъ старшихъ трехъ классовъ гимназій, для того, чтобы приучить учащихся къ самостоятельному научному труду. Наставники давали ученикамъ посильныя (по исторіи и русск. словесности) темы. Кто-либо изъ учащихся готовилъ докладъ и на литературныхъ вечерахъ выступалъ съ нимъ. Учителя и приглашавшіеся на бесѣды профессора оппонировали. Гимназисты посѣщали эти вечера (обыкновенно они происходили съ 7 до 11—12 ч ночи) очень усердно, хотя они и не были обязательными. Цѣль и нѣкоторыя практическія указанія для этихъ бесѣдъ выяснены Пироговымъ въ маленькой статьѣ, вошедшей во второй томъ его сочиненій, подъ названіемъ: „О цѣли литературныхъ бесѣдъ въ гимназіяхъ“.

Пирогову же обязанъ своимъ возникновеніемъ и Новороссійскій университетъ. Въ Одессѣ было особое

---

1) Пироговъ приходилъ въ гимназію обыкновенно пѣшкомъ, самъ отыскивалъ нужный ему классъ, садился за парту съ учениками и просилъ преподавателя продолжать прерванный его приходомъ урокъ. Урокъ продолжался, Пироговъ постепенно, когда освоивался съ нимъ классъ, весьма деликатно вмѣшивался въ преподаваніе, спрашивалъ учениковъ и такимъ образомъ выяснялъ все, что ему было необходимо. Гимназисты сзикоро полюбили ергои еподаватели же относились съ искреннимъ уваженіемъ.

учебное заведеніе—Ришельевскій лицей. Онъ задумалъ преобразовать его въ университетъ. Для осуществленія своей мысли онъ предложилъ совѣту лицея обсудить мѣры къ его улучшенію. Въ совѣтѣ мысль Пирогова нашла полную поддержку и въ 1865 году была осуществлена. Не ожидая выполненія проекта, Пироговъ стремился поднять лицей, научно обставить кабинеты лицея, минералогическій, зоологическій, химическую лабораторію и другія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ проектировалъ устроить при лицей педагогическую семинарію.

Дѣятельность Пирогова въ Одессѣ была очень непродолжительна,—изъ-за нѣсколькихъ, весьма раздутыхъ инцидентовъ онъ былъ заподозрѣнъ въ либерализмъ и назначенъ попечителемъ (18 іюля 1858 года) въ Кіевскій учебный округъ.

Въ Кіевѣ Пироговъ пробылъ тоже всего около трехъ лѣтъ, по 13 марта 1861 года, когда онъ вынужденъ былъ подать въ отставку и получилъ ее. Черезъ годъ онъ снова получилъ возможность педагогической дѣятельности, когда былъ командированъ на 4 года за границу для наблюденія за посланными туда молодыми русскими учеными. Такимъ образомъ административно-педагогическая дѣятельность Пирогова охватываетъ періодъ въ 10 лѣтъ.

Въ особенности плодотворна была его дѣятельность въ должности попечителя Кіевского учебнаго округа. На свои обязанности Пироговъ смотрѣлъ не какъ на обязанности начальника, имѣющаго право и даже обязанность вязать и рѣшить. Онъ шелъ проповѣдывать, онъ скорѣе, по его словамъ, миссіонеръ, чѣмъ что-либо иное. Его взглядъ на дѣло правдиво и искренно переданъ имъ въ двухъ рѣчахъ, произнесенныхъ вскорѣ послѣ оставленія имъ должности попечителя.

Въ рѣчи, обращенной къ кіевлянамъ, провожавшимъ его за городъ (до 800 человекъ), когда онъ уѣзжалъ

послѣ отставки изъ Кіева въ свое имѣніе, чрезвычайно полно выразился какъ его взглядъ на свои обязанности попечителя, такъ и его нравственный обликъ. Нельзя удержаться, чтобы не привести эту рѣчь цѣликомъ. „То, что мнѣ предстоитъ, — говоритъ онъ, — сходно съ тѣмъ, что для меня прошло. Позднею весною, послѣ продолжительной, суровой зимы, я буду орать и засѣвать мои поля, запущенныя, засоренныя плевелами и съ закопавшеюся вблизи саранчою. Я буду трудиться въ потѣ лица, буду разрыхлять и очищать землю; постараюсь дѣлать все какъ можно рациональнѣе, замѣню крѣпостной трудъ свободнымъ, буду обходиться и съ рабочими какъ съ людьми вольными, а не крѣпостными. Но, разумѣется, законовъ природы и необходимости этимъ не измѣню. Растаявшій ледъ превратится въ потоки воды, которые во многихъ мѣстахъ разнесутъ мои сѣмена; саранча выведется тамъ, гдѣ она не была разрушена плугомъ и воздухомъ; рабочіе не сразу поймутъ, что для нихъ лучше такъ работать, чѣмъ попрежнему. И, можетъ-быть, мои труды и заботы не удадутся на первый разъ. Это, конечно, не остановитъ меня, потому что я знаю, отчего сразу не можетъ все итти хорошо. Но найдутся, безъ сомнѣнія, и тутъ люди, которые скажутъ, что причина, почему у меня не все возшло, не потоки воды, разнесшіе мои сѣмена, не ледяная кора, покрывавшая слишкомъ долго землю, и даже не саранча, которая закопалась еще до меня, а то, что я началъ обрабатывать мои поля не по прежней рутинѣ, слишкомъ скоро замѣнилъ крѣпостной трудъ свободнымъ. Бывъ попечителемъ, я также ораль и засѣвалъ мое поле позднею весною, едва оттаявшее отъ лучей вешняго солнца; на немъ еще была ледяная кора; въ немъ была закопавшаяся саранча; трудъ не былъ свободный и прибыльный для обѣихъ сторонъ. Мудрено ли, что могли и тутъ найтись такіе, которые не въ зако-

нахъ необходимости, не въ порядкѣ вещей, искали причину, почему мое поле не такъ скоро дало обильную жатву?

„Но неужели же я долженъ былъ остановиться, слушая толки и не вѣря болѣе въ то, что зналъ вѣрно; неужели долженъ былъ измѣнить весь планъ моихъ дѣйствій, промѣнять рациональность и здравый смыслъ на рутину и безсмысліе?

„Кѣмъ былъ бы я тогда въ глазахъ передовыхъ людей, мнѣніемъ которыхъ дорожу, и, главное, кѣмъ былъ бы я тогда въ собственныхъ глазахъ моихъ?

„Теперь, когда я начну у себя хозяйничать, я долженъ буду прежде всего позаботиться о кредитѣ; мнѣ необходимо довѣріе тѣхъ, съ кѣмъ я буду вести мои дѣла. Но если кредитъ и взаимное довѣріе теперь необходимы для меня, какъ для будущаго хозяина, то не болѣе ли они мнѣ были нужны, когда я былъ попечителемъ? Что могъ сдѣлать я существеннаго, не заслуживъ сначала полного нравственнаго довѣрія тѣхъ, которыхъ главная обязанность — проводить убѣжденія, и тѣхъ, на кого я долженъ былъ дѣйствовать путемъ убѣжденія?

„Вотъ это - то полное нравственное довѣріе я и старался всѣми силами водворить и между старыми и между молодыми. Но для этого я долженъ былъ дѣйствовать прямо и откровенно. Въ краѣ, гдѣ постоянно нужно сообразоваться съ различіемъ національностей, я не могъ не быть ровень и одинаковъ со всѣми и строго безпристрастенъ, желая добра и правды всѣмъ безъ различія.

„Въ моихъ глазахъ попечитель есть не столько начальникъ, сколько миссіонеръ. Онъ долженъ не приказывать, а убѣждать. Иначе, въ трудныхъ обстоятельствахъ, когда ему понадобится серьезный трудъ его подчиненныхъ, когда нужно будетъ сдѣлать воззваніе къ ихъ

чувству долга и законности, къ благородству и достоинству человѣка, онъ не можетъ рассчитывать ни на себя ни на другихъ. Таковъ мой взглядъ. Онъ не могъ не казаться страннымъ и даже, можетъ-быть, опаснымъ. Я это очень хорошо зналъ всегда. Но не мною я быть не могъ. И мнѣ оставалось итти, не отступая, предоставивъ Провидѣнію рѣшить, кто крѣпче: препятствія, которыя я долженъ былъ встрѣтить, или я самъ... Ученіе и распространеніе научныхъ истинъ я считалъ за священнодѣйствіе и глубоко уважалъ истинныхъ наставниковъ. Но и въ слабыхъ я чтить человѣческое достоинство и личность“...

Съ такими взглядами вступалъ Пироговъ въ отправленіе своихъ обязанностей попечителя. Онъ былъ глубоко увѣренъ въ томъ, что измѣненіемъ уставовъ, распредѣленій и проч. ничего нельзя достигнуть. Мѣняя форму, еще не мѣняютъ сущность дѣла. Главное условіе прогресса,—говоритъ онъ,—есть твердая вѣра въ образованную творческую силу человѣческой личности. Безъ нихъ всѣ хитросплетенные уставы—мертвая буква. Поэтому дѣйствовать онъ предпочиталъ не приказаніемъ, а убѣжденіемъ. Главное усиліе онъ направилъ на то, чтобы перевоспитать самихъ воспитателей, заставить ихъ серьезно взглянуть на свои обязанности.

Трудная задача предстояла Пирогову. По его словамъ, въ гимназіяхъ его времени органическая связь между учениками и учителями была уже давно нарушена. Между ними стояли начальники заведеній. Чувство законности было сильно потрясено произволомъ. Недовѣріе къ справедливости гимназическаго начальства глубоко вкоренилось въ убѣжденіе учениковъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Пироговъ самъ находился въ такихъ условіяхъ, что въ корнѣ измѣнить весь строй школы, замѣнить въ нихъ бюрократизмъ другимъ, болѣе рациональнымъ началомъ воспитанія онъ не могъ. Бюро-

кратизмъ, — говоритъ онъ, — неизбежное слѣдствіе централизаціи, а централизація, въ свою очередь, неизбежна при правительственной монополіи воспитанія. О коренномъ измѣненіи, о полномъ проведеніи въ жизнь высокихъ идеаловъ воспитанія, воодушевлявшихъ Пирогова, не могло быть и рѣчи. Онъ стремился достигнуть того, чего могъ достигнуть въ узкихъ рамкахъ отведенной ему дѣятельности.

Онъ ввелъ въ гимназіяхъ его округа коллегіальное начало при рѣшеніи всѣхъ педагогическихъ и школьныхъ вопросовъ. При существующей въ наше время администраціи училищъ, — говоритъ онъ, — и при несовершенствѣ нашей педагогіи ничего нельзя лучше сдѣлать, какъ оказать полное довѣріе обществу наставниковъ. Цѣлая коллегія наставниковъ въ общественномъ воспитаніи можетъ лучше и систематичнѣе слѣдить за его ходомъ и правильнѣе судить о его недостаткахъ, подвергая общему обсужденію всѣ частности.

Помимо этого, циркуляръ по округу, эту обычную мѣру бюрократическаго приказанія, освѣдомленія подвѣдомственныхъ лицъ со взглядами и направленіемъ начальства, онъ использовалъ съ тою цѣлью, чтобы ознакомить всѣхъ наставниковъ со взглядами разбросанныхъ въ разныхъ углахъ округа наставниковъ, съ постановленіями педагогическихъ совѣтовъ и со своими взглядами на каждый изъ алободневныхъ вопросовъ школьной жизни. „Официальный перечень служебныхъ перемѣнъ, — говоритъ старшій учитель кіевской гимназіи Самчевскій, — извѣстный подъ именемъ циркуляра, Пироговъ обратилъ въ одно изъ лучшихъ педагогическихъ изданій въ Россіи. Въ немъ знакомились мы съ различными мнѣніями о преподаваніи, они же служили проводникомъ просвѣщенныхъ взглядовъ Пирогова на воспитаніе“.

Введенныя имъ экстраординарныя педагогическія засѣданія и циркуляры, содержащія въ себѣ изложеніе

мнѣній гимназическихъ наставниковъ, имѣли свою цѣлю,—какъ онъ говоритъ въ особой статьѣ „О предметахъ сужденій и преній педагогическихъ совѣтовъ гимназій“,—1) дать возможность гимназическимъ наставникамъ свободно, откровенно и безпристрастно обсудить различныя педагогическія мѣры и предлагаемые способы преподаванія; 2) познакомить ближе высшія учебныя инстанціи какъ съ господствующими, такъ и съ исключительными взглядами нашихъ педагоговъ; 3) дать средство высшимъ гимназіямъ судить по этимъ взглядамъ о степени развитія нашей педагогики; 4) посредствомъ размѣна взглядовъ познакомить и сблизить одну съ другою различныя дирекціи округа; 5) наконецъ, чтобы учебное начальство могло удобнѣе сообщать всѣмъ дирекціямъ свои распоряженія и мнѣнія о вновь предлагаемыхъ педагогическихъ мѣрахъ и способахъ преподаванія“.

О коллегіальномъ управленіи тотъ же учитель Самчевскій говоритъ, что оно избавило и удержало въ извѣстной мѣрѣ учащихъ и учащихся отъ произвола и начало вызывать живую нравственную связь между тѣми и другими; оно пробудило сознательную дѣятельность преподавателей и подняло ихъ значеніе въ обществѣ, въ собственномъ сознаніи и въ глазахъ учащихся.

Циркуляры по округу, часть которыхъ вошла во второй томъ его сочиненій, еще и до настоящаго времени могутъ дать педагогу много мыслей, считающихся новыми, несмотря на 50-лѣтнюю пыль времени, ихъ покрывающую.

Вообще педагогическія статьи и циркуляры Пирогова могутъ дать отвѣты какъ на общіе, такъ и на частные вопросы воспитанія и обученія. До настоящаго времени они еще далеко не потеряли своей свѣжести, его идеи далеко не осуществлены и частью стоятъ на очереди, частью мерещатся въ отдаленной зарѣ будущаго.

Въ циркулярахъ по округу онъ, на примѣръ, чрезвычайно просто и вѣрно рѣшаетъ вопросъ о нравственномъ воспитаніи. Этотъ вопросъ и до настоящаго времени вкривъ и вкось дебатруется въ особенности официальными педагогами побѣдоносцевскаго толка. Считаютъ, на примѣръ, основою, и притомъ единственною, нравственнаго воспитанія изученіе катихизиса, богослуженія священной исторіи Ветхаго и Новаго завѣта, при чемъ изученіе формальное, съ заучиваніемъ исторій, текстовъ и мелочей обряда. Пироговъ очень мѣтко возражаетъ основному доводу сторонниковъ этого взгляда: вѣра будто бы начинается въ мысляхъ и отъ ума передается сердцу. „Чтобы вѣра,—говоритъ онъ,—передавалась отъ ума къ сердцу,—не вѣрю. Да развѣ любовь дѣтей къ родителямъ передается умомъ сердцу?.. Это есть чувство, присущее нашей натурѣ. Если мы искренно желаемъ воспитать новое поколѣніе, болѣе твердое въ началахъ истинной нравственности, то мы должны безпрестанно обращаться къ тому, что въ человѣкѣ есть сильнѣе ума. Не забудемъ, правоучители и учителя, что умъ можетъ и заблуждаться и сомнѣваться: но въ сердцѣ нашемъ есть что-то иное, что хотя нерѣдко и заблуждается, но уже никогда не сомнѣвается“. Рѣшая вопросъ о томъ что нужно разумѣть подъ правильнымъ нравственнымъ воспитаніемъ, Пироговъ въ одномъ изъ своихъ циркуляровъ пишетъ: „Конечная цѣль разумаго воспитанія должна заключаться въ постепенномъ образованіи въ ребенкѣ яснаго пониманія вещей окружающаго его міра и преимущественно общественнаго, т.-е. того, въ которомъ ему со временемъ придется дѣйствовать. Это прежде всего. Затѣмъ послѣдовательнымъ результатомъ такого пониманія должно быть возведеніе добрыхъ инстинктовъ дѣтской природы въ сознательное стремленіе къ идеаламъ правды и добра. И, наконецъ, въ задачу воспитанія, какъ результатъ того и другого, должно входить посте-

пенное образованіе нравственныхъ современныхъ убѣжденій, образованіе твердой и свободной воли и, слѣдовательно, воспитаніе тѣхъ гражданскихъ и человѣческихъ доблестей, которыя составляютъ лучшее украшеніе времени и общества. Задача, очевидно, не легка, но не надо забывать, что приходится имѣть дѣло съ матеріаломъ въ большей части случаевъ послушнымъ и воспріимчивымъ. Не надо забывать, что многое изъ начертанной программы уже хранится въ дѣтской натурѣ и ей присуще“.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ Пироговъ предупреждаетъ естественное увлеченіе въ сторону воспитательнаго элемента. Онъ не видитъ въ немъ исключительную задачу общественнаго образованія. Преподаваніе прежде всего должно обогатить умъ положительными свѣдѣніями. Воспитательный элементъ не долженъ стоять на первомъ мѣстѣ. Такъ называемое развитіе должно опираться на фактъ, на знаніе, быть его прямымъ, конечнымъ выводомъ и только тогда можетъ получить цѣну.

Свой взглядъ, что только наука имѣетъ воспитательную силу и притомъ огромную, Пироговъ нѣсколько разъ повторяетъ въ своихъ педагогическихъ статьяхъ.

Въ основу рѣшенія каждаго вопроса школьной жизни Пироговъ стремился класть психологію дѣтскаго возраста. Онъ самъ про себя говоритъ, что принадлежитъ къ тѣмъ счастливымъ людямъ, которые хорошо помнятъ свою молодость. „Старѣясь, я не утратилъ способности понимать и чужую молодость, любить и, главное, уважать ее“. Къ ознакомленію съ дѣтскимъ міромъ, къ тому, чтобы сообразовывать методы воспитанія съ природою ребенка онъ не уставалъ звать и родителей и воспитателей.

Горячій призывъ къ этому сдѣланъ имъ еще въ одной изъ первыхъ его педагогическихъ статей, въ статьѣ „Быть и казаться“.

„Въ наше время,—читаемъ мы тамъ,—когда глубокіе умы посвятили себя изученію духовной стороны даже умалишенныхъ; когда начинаетъ обнаруживаться, что и эти отверженцы нашего общества имѣютъ свою собственную логику, свою послѣдовательность въ дѣйствіяхъ; когда наука, проникнувъ въ ихъ особый міръ, ищетъ въ немъ связей съ нашимъ, должны ли мы, говорю, именно теперь оставаться хладнокровными къ духовному міру нашихъ дѣтей и не изучать его во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ?

„Скажите, что можетъ быть поучительнѣе, что выше, что святѣе духовнаго сближенія съ этимъ Божіимъ, чуднымъ, дѣтскимъ міромъ? Кому не занимательно слѣдить за всѣми его обнаруженіями, за всѣми проявленіями во времени и въ пространствѣ? Кому не весело самому помолодѣть душою? О, если бы всѣ родители и педагоги по призванію вошли въ этотъ таинственно-священный храмъ еще дѣвственной души человѣка! Сколько новаго и неразгаданнаго еще узнали бы они! Какъ обновились бы, какъ поумнѣли бы сами!.. Одинъ взглядъ, брошенный въ него бѣднымъ швейцарцемъ, сердечно любившимъ дѣтей, произвелъ на свѣтъ цѣлую систему ученія, котораго плодами мы теперь только что начинаемъ пользоваться“.

„Жизнь школьника,—говоритъ онъ въ статьѣ „Школа и жизнь“,—есть такая же самостоятельная, подчиненная своимъ законамъ, жизнь, какъ и жизнь взрослыхъ учителей. И если дѣти не имѣютъ ни силы ни способъ нарушать законы нашей жизни, то и мы не имѣемъ права безнаказанно и произвольно ниспровергать столь же опредѣленные законы міра дѣтей. Безъ сомнѣнія, и отцы и общество должны заботиться о будущности дѣтей; но это право ограничивается обязанностью развивать всецѣло и всесторонне все благое, чѣмъ надѣлилъ ихъ Творецъ. Другого права нѣтъ и быть не мо-

жетъ, безъ посягательства на личность, которая одинаково неприкосновенна и въ ребенкѣ и во взросломъ“.

Просто и естественно онъ выводитъ изъ этихъ основныхъ взглядовъ отвѣты на вопросы метода преподаванія, когда защищаетъ такъ называемый сократовскій, эвристическій методъ; когда говоритъ о заучиваніи, защищая заучиванье только разумное, только того, что предварительно обстоятельно и по возможности наглядно объяснено, конечно, не слово въ слово по книгѣ или тетради; на этомъ же онъ обосновываетъ и правильно организованный, подъ руководствомъ преподавателей, совѣстный судъ товарищей, который онъ ввелъ въ пяти высшихъ классахъ гимназій, и многое другое. Съ той же точки зрѣнія интересовъ дѣтей онъ протестовалъ и противъ экзаменаціоннаго классно-переводнаго направленія, которое является господствующимъ еще и до настоящаго времени въ нашихъ школахъ „Развѣ каждый учитель, — восклицаетъ онъ по поводу экзаменовъ, — не долженъ настолько узнать каждаго изъ своихъ учениковъ въ теченіе года, чтобы рѣшить, можетъ ли онъ итти далѣе и достоинъ ли онъ быть переведеннымъ въ слѣдующій классъ, или нѣтъ?“

На школу и науку Пироговъ смотрѣлъ какъ на руководительницу жизни; преподаваніе считалъ священнодѣйствіемъ. Это былъ великій гуманистъ-просвѣтитель.

Несмотря на кратковременное свое пребываніе въ должности попечителя Кіевскаго учебнаго округа, онъ сумѣлъ провести въ жизнь много такихъ начинаній, которыя двинули впередъ просвѣщеніе. Онъ содѣйствовалъ не только высшему и среднему, но и низшему образованію, хотя время его дѣятельности совпало съ почти полнымъ отсутствіемъ начальныхъ школъ. Въ силу именно этого Пироговъ находилъ цѣлесообразной и безусловно необходимой организацію воскресныхъ школъ.

Имъ открыта первая русская воскресная школа въ Кіевѣ въ 1859 году.

Въ 1863 году, когда правительство начало заподозрѣвать воскресныя школы въ политической неблагонадежности и закрывать ихъ, Пироговъ нашелъ необходимымъ выступить со статьей „О воскресныхъ школахъ“, въ которой стремился разрушить ложный взглядъ о политической пропагандѣ, которая будто бы ведется въ такихъ школахъ, и доказать огромную пользу воскресныхъ школъ.

Нѣтъ возможности въ короткой брошюрѣ подробно описать сдѣланное Н. И. Пироговымъ въ его пребываніе въ Кіевѣ. Можно только перечислить, что именно новаго онъ внесъ, чтобы судить о кипучей его энергіи и глубокой преданности дѣлу вопреки страху и именно за совѣсть.

Профессоръ Шульгинъ перечисляетъ его дѣла такъ: „1) конкурсный (а не по протекціи) порядокъ замѣщенія кафедръ въ университетѣ и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ округа; 2) первый осуществленный планъ педагогической семинаріи, который легъ въ основу нынѣшнихъ педагогическихъ курсовъ; 3) спеціализація отдѣловъ историко-филологическаго факультета на историческій, классической филологіи и славяно-русской филологіи; 4) правила о судѣ надъ студентами; 5) устройство студенческой бібліотеки и лекторіи и снабженіе первой пожертвованіемъ собственныхъ его книгъ; 6) возвышеніе значенія педагогическихъ совѣтовъ; 7) преобразование окружного циркуляра въ замѣчательное педагогическое изданіе; 8) правила о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ; 9) совершенное преобразование гимназическихъ испытаній; 10) литературныя бесѣды учениковъ; 11) воскресныя школы; 12) возвышеніе еврейскихъ учебныхъ заведеній“.

О правилахъ и проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ гимназій и объ отношеніи къ еврейскимъ школамъ слѣ-

дуетъ все-таки сказать нѣсколько словъ. Указанныя правила — дѣтище Пирогова. По факту и обстановкѣ изданія ихъ можно судить, съ какимъ тактомъ и настойчивостью Пироговъ проводилъ въ жизнь свои воззрѣнія.

Въ его время розга царила въ школѣ. Насколько она широко была распространена, какъ наказаніе, видно изъ того, напр., что въ немировской гимназіи его округа за годъ до вступленія Пирогова въ управленіе округомъ изъ 600 учениковъ было тѣлесно наказано 67 человекъ, а въ волынской тоже изъ 600 даже 290 человекъ.

Самъ Пироговъ былъ принципиальнымъ противникомъ розги. Въ особой статьѣ 1858 года, подъ заглавіемъ „Нужно ли сѣчь дѣтей?“, Пироговъ доказываетъ и родителямъ и педагогамъ всю несообразность этой мѣры наказанія.

„Сдѣлайте такъ, — говоритъ онъ въ этой статьѣ, — чтобы наказаніе за проступокъ было не внѣ, а внутри виновнаго, и вы дойдете до идеала нравственнаго воспитанія“.

„Какой родъ страха вы желаете развить въ вашемъ воспитанникѣ, — спрашиваетъ онъ дальше, — страхъ физическій или нравственный? Если первый, то къ нему скоро привыкаютъ, и онъ, смотря по характеру, рано или поздно переходитъ въ тупое равнодушіе, то прямо, то постепенно восходя отъ боязни до ужаса. А если второй, то вы не достигнете вашей цѣли розгою“. Даже въ товарищахъ избиваемаго ученика она вызываетъ не отвращеніе къ дурному его поступку, а только состраданіе и сочувствіе его горю и ненависть къ избивающимъ. Тѣлесное наказаніе Пироговъ называетъ безнравственною мѣрою и горячо противъ него протестуетъ.

Желая въ интересахъ воспитанія вывести розгу изъ употребленія въ гимназіяхъ, Пироговъ не поступилъ такъ, какъ могъ поступить начальникъ, а по своему

обыкновенію дѣйствовалъ убѣжденіемъ. Онъ созвалъ комитетъ изъ представителей гимназій, которому и поручилъ выработку правилъ о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ гимназій.

Необходимость введенія такихъ правилъ Пироговъ мотивировалъ тѣмъ, что въ различныхъ гимназіяхъ применяются различныя наказанія для одного и того же проступка. Это видно хотя бы изъ приведенныхъ выше данныхъ о волынской и немировской гимназіяхъ. При одинаковомъ количествѣ учениковъ въ одной гимназіи было высѣчено 70, въ другой 300 человѣкъ за одинъ годъ. Это характеризуетъ неравномѣрность наказанія, произволь, а произволь не даетъ возможности развиться въ воспитанникахъ чувству законности, между тѣмъ какъ чувство законности — жизненное условіе гражданственности, взаимнаго довѣрія и прогресса.

Въ комитетѣ Пироговъ предложилъ педагогамъ вопросъ: нельзя ли въ гимназіяхъ уничтожить совсѣмъ розгу? Большинство членовъ комитета отвѣтило отрицательно. Тѣмъ не менѣе, Пирогову удалось значительно ограничить случаи тѣлеснаго наказанія.

Не идя противъ комитета вслѣдствіе того, что видѣлъ несостоятельность современныхъ ему педагоговъ, видѣлъ отсутствіе для большинства возможности справиться съ задачей воспитанія безъ грубыхъ наказаній, онъ былъ увѣренъ, что, когда начнутъ смягчаться нравы общества и когда педагоги и родители убѣдятся на опытѣ, что и безъ розги воспитывать можно, розга совсѣмъ выйдетъ изъ употребленія.

Его предложенія, конечно, оправдались, а его правила о проступкахъ и наказаніяхъ внесли бѣольшую гуманность въ воспитаніе.

---

1) Именно за способъ проведенія въ жизнь своего взгляда на сѣченіе дѣтей на Пирогова обрушился Добролюбовъ въ громовой статьѣ „Всероссійскія иллюзіи, разрушаемыя розгою“.

Объ этомъ говорятъ слѣдующія цифры: до введенія „правиль“ въ жизнь изъ 4.109 учениковъ гимназій округа подверглись тѣлесному наказанію 551 ученикъ, на другой же годъ послѣ ихъ введенія изъ 4.310 учениковъ тѣлесно были наказаны всего 27 учениковъ. Прогрессъ очевиденъ, и только скорый уходъ его въ отставку не далъ ему возможности довести дѣло уничтоженія розги до конца.

Отношеніе Пирогова къ еврейскимъ училищамъ непосредственно вытекало изъ его теоріи. Онъ ратовалъ за общечеловѣческой идеаль воспитанія. „Человѣкъ“ въ его пониманіи прежде всего гражданинъ своего отечества, но вмѣстѣ съ тѣмъ и гражданинъ міра. Онъ былъ очень далекъ отъ религіозной нетерпимости, самъ уважалъ другія національности и заботился о справедливомъ отношеніи и уваженіи ко всѣмъ народностямъ, входящимъ въ составъ и Одесскаго и Кіевскаго округовъ.

Въ своей статьѣ „Одесская талмудъ - тора“ онъ не боится указывать на евреевъ, какъ на людей, у которыхъ слѣдуетъ кое-чему поучиться въ дѣлѣ воспитанія и филантропіи.

Евреи чрезвычайно цѣнили Пирогова, какъ человѣка, въ высшей степени склоннаго къ справедливости и чуждаго національной исключительности. Это уваженіе ярко выразилъ смотритель еврейскаго училища Горенбергъ въ рѣчи, произнесенной имъ на прощальномъ обѣдѣ по случаю ухода Пирогова изъ Кіева. „Сколько намъ извѣстно,—сказалъ онъ, между прочимъ,—вы первый въ здѣшнемъ краѣ рѣшили возвысить свой справедливый голосъ въ защиту загнаннаго еврейскаго племени. Какъ человѣкъ, стоящій выше всякихъ предразсудковъ, вы собственнымъ гуманнымъ примѣромъ больше имѣли вліянія на своихъ подчиненныхъ, чѣмъ всѣ ваши предшественники своими строгими формальными пред-

писаніями. Сила этого личнаго вліянія была такъ велика, что даже люди прежняго порядка нехотя поддавались ей и измѣнялись.

„Какъ попечитель, вы справедливо считали еврейскія училища, если не самою важною, то, по крайней мѣрѣ, самою больною частью своего округа. Какъ медикъ, привыкшій сочувствовать страданію человѣчества, вы подавали руку помощи образованной партіи евреевъ и тѣмъ поддерживали ихъ энергію въ борьбѣ съ фанатизмомъ своихъ отсталыхъ единовѣрцевъ, какъ и съ предрасудками отсталыхъ христіанъ. Евреи все это чувствуютъ и сознаютъ. Они понимаютъ, что вы все это дѣлали не для выставки, а для самого дѣла, не только по долгу, но и по убѣжденію. Зато, не преувеличивая можно сказать, что всѣ образованные евреи въ Россіи и многіе за границею съ благоговѣніемъ произносятъ ваше имя, и этотъ, такъ сказать, нравственный памятникъ народной признательности переживетъ всякій матеріальный“.

Самъ Пироговъ въ отвѣтной рѣчи къ представителямъ еврейскаго общества, произнесенной въ Бердичевскомъ казенномъ еврейскомъ училищѣ, такъ объясняетъ свое отношеніе къ евреямъ: „Я сочувствовалъ еврейской націи. Но это не заслуга, это лежитъ въ моей натурѣ: я не могъ дѣйствовать противъ себя самого. Съ тѣхъ поръ, какъ я выступилъ на поприще гражданственности путемъ науки, мнѣ всего противнѣе были сословныя предубѣженія, и я невольно перенесъ этотъ взглядъ и на различія національныя. Какъ въ наукѣ, такъ и въ жизни, какъ между моими товарищами, такъ и между моими подчиненными и начальниками, я никогда не думалъ дѣлать различія въ духѣ сословной и національной исключительности. Эти же убѣжденія, какъ слѣдствіе моего образованія, выработавшисъ цѣлою жизнью,

сдѣлались для меня второю натурою и не покинуть меня до конца жизни!“

VII. Оцѣнка педагогической дѣятельности Пирогова.

Когда Пироговъ вышелъ въ отставку, проявились во всей полнотѣ тѣ чувства искренней симпатіи и уваженія, которыя были заслужены имъ. Трогательно было прощаніе съ нимъ кіевлянъ и педагоговъ его округа. Глубокая скорбь охватила всѣхъ, когда узнали о выходѣ Пирогова въ отставку. Эту скорбь и вмѣстѣ съ тѣмъ основанія ея весьма ярко выразилъ въ свсей рѣчи завѣдующій Подольскою воскресною школою Слѣпушкинъ. „Въ вашемъ лицѣ, — говорилъ онъ Пирогову, — общество теряетъ много, неизмѣримо много. Всегда и повсюду являются люди, на долю которыхъ выпадаетъ рѣдкое счастье — быть выразителями лучшихъ стремленийъ времени. На нихъ покоятся надежды тѣхъ, которые желаютъ истиннаго блага странѣ своей и правдиво понимаютъ это благо. Они — неподкупные вожатые, ободряющіе на честномъ пути другихъ; и благо тамъ, гдѣ умѣютъ ихъ цѣнить!

„Въ васъ, Николай Ивановичъ, мы, да и не только мы, привыкли видѣть такого вожатая. Вотъ почему собрались мы сегодня, печальные, глубоко потрясенные!..

„Потеря наша не въ безпримѣрномъ начальникѣ, даже не въ высоконравственномъ человѣкѣ... мы проигрываемъ болѣе, — да и не одни мы. Вся просвѣщенная и мыслящая Россія понимаетъ смыслъ и значеніе вашей дѣятельности! Разставаясь съ вами, мы выносимъ только одно высокое, но печальное утѣшеніе — что во всякомъ обществѣ остаются люди, ни для чего и ни для кого не жертвующіе своими убѣжденіями“.

Такъ говорили о личности и дѣятельности Пирогова его современники.

Позднѣе его стали цѣнить еще выше. Въ 1899 году извѣстный педагогъ Н. Ѳ. Бунаковъ въ рѣчи къ херсонскимъ учителямъ характеризуетъ значеніе Пирогова въ педагогіи такими словами: „Просматривая исторію русской педагогической мысли, я вижу въ ней только трехъ дѣйствительно „большихъ людей“. Это, во-первыхъ, Н. И. Пироговъ, провозгласившій у насъ идею человѣчности въ учебно-воспитательномъ дѣлѣ, во-вторыхъ, К. Д. Ушинскій, провозгласившій идею народности въ этомъ дѣлѣ, и, въ-третьихъ, Л. Н. Толстой, провозгласившій свободу обученія. Это, дѣйствительно, большіе люди. Остальные—только чернорабочіе русской народной школы“.

„Самый геніальный уставъ, — пишетъ Ушинскій въ статьѣ „Педагогическія сочиненія Н. И. Пирогова“, — не сдѣлаетъ того, что можетъ сдѣлать одинъ такой человекъ, какимъ былъ Пироговъ. „Мы знаемъ довольно, но мы желаемъ слабо; насъ слѣдуетъ не столько учить, сколько возвысить и укрѣпить; намъ нуженъ человекъ, примѣръ котораго увлекъ бы насъ, жизнь котораго служила бы намъ великимъ образцомъ: а другой такой жизни, какова жизнь Н. И. Пирогова, мы не знаемъ въ Россіи, да и у другихъ народовъ такихъ жизней немного“.

Какъ бы предчувствуя послѣдующее отношеніе къ дѣятельности Пирогова правящихъ сферъ, Ушинскій пишетъ: „Можетъ ли быть, чтобы такіе люди долго оставались безъ дѣла, когда каждый день ихъ жизни, потерянный для государства, есть величайшая потеря, — потеря ничѣмъ не вознаградимая, особенно въ такое важное переходное время, каково наше“.

Между тѣмъ Пироговъ послѣ выхода въ отставку былъ почти потерянъ для народнаго образованія. Послѣдняя его статья по вопросамъ образованія помѣчена 1864 годомъ, и съ тѣхъ поръ онъ къ нимъ не возвращался.

Пироговъ ушелъ изъ-за полной невозможности самостоятельно выполнить свою программу. Первый великій русскій педагогъ не могъ посвятить всѣ свои силы великому дѣлу.

VIII. Дѣятельность Пирогова во время франко-прусской и русско-турецкой войнъ. Смерть Пирогова.

Послѣ выхода въ отставку Пироговъ пробылъ около года въ своемъ имѣніи, въ селѣ Вишнѣ, Винницкаго уѣзда, Подольской губерніи, затѣмъ былъ командированъ на 4 года за границу для руководства молодыми русскими учеными, готовящимися къ кафедрѣ въ Россіи, и съ 1866 года окончательно поселился въ деревнѣ.

Во время своей педагогической практики онъ не оставлялъ врачебныхъ занятій. Характерно, что даже ученики гимназій, въ бытность его попечителемъ, не боялись обращаться къ нему за совѣтами не только съ обыкновенными, но и съ секретными болѣзнями—такъ довѣряли они ему и какъ человѣку и какъ врачу.

Въ 1861—62 году онъ занимался хирургической практикой въ широкихъ размѣрахъ и за это время сдѣлалъ болѣе 200 большихъ хирургическихъ операцій. Здѣсь же въ Вишнѣ онъ устроилъ маленькій госпиталь на 30 больныхъ и имѣлъ огромный амбулаторный приѣмъ. Весьма часто его приглашали на консультаціи, и онъ разъѣзжалъ по югу Россіи, не отказывая въ своей помощи.

Имя Пирогова было популярно даже за границей, и не только среди врачей, но и публики. Еще въ 1862 году, когда наилучшіе европейскіе хирурги не могли опредѣлить мѣстопребываніе пули въ тѣлѣ раненаго Гарибальди, ученые не нашли ничего лучшаго сдѣлать, какъ пригласить къ раненому Пирогова. Пироговъ не только

извлекъ пулю, но и довелъ лѣченіе знаменитаго итальянца до конца.

Въ сентябрѣ 1870 года общество Краснаго Креста пригласило Пирогова осмотрѣть военно - санитарныя учрежденія на театрѣ франко-прусской войны. Главную цѣль порученія Краснаго Креста составляло ознакомленіе съ приложеніемъ началъ международной филантропіи и съ задачами и условіями дѣятельности частной помощи и ея отношенія къ военной администраціи. Далѣе Пироговъ поставилъ себѣ цѣлью обратить вниманіе на участь раненыхъ на самомъ полѣ сраженія, сейчасъ послѣ битвы, и на успѣхи консервативнаго лѣченія огнестрѣльныхъ поврежденій. Наконецъ громадный интересъ представлялъ вопросъ, какое примѣненіе изъ войны 1870 года можетъ сдѣлать для себя наша русская медицина и наша частная помощь раненымъ и больнымъ воинамъ (Малисъ).

Поѣздка Пирогова по Германіи носила, по словамъ Малиса, характеръ триумфальнаго шествія, — такъ относились врачи и публика къ великому русскому хирургу.

Отчетъ Пирогова о посѣщеніи военно - санитарныхъ учрежденій въ Германіи, Лотарингіи и Эльзасѣ въ 1870 г. былъ изданъ обществомъ Краснаго Креста въ 1871 году и въ томъ же году появился на нѣмецкомъ языкѣ въ Лейпцигѣ.

И здѣсь онъ оставался, какъ и всегда, глубоко искреннимъ и правдивымъ человѣкомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкомъ, который уважалъ самъ и требовалъ отъ другихъ уваженія ко всякой корпораціи. Онъ требовалъ, между прочимъ, реформы отношенія военно-полевой медицины къ военному начальству въ смыслѣ большей ея самостоятельности. „Врачи различныхъ командъ не созываются, — говоритъ онъ, — для совѣщаній, или если это иногда и дѣлается, то заключенія ихъ не

имѣютъ никакой законной силы“. Тогда какъ при иномъ положеніи, которое рисуетъ Пироговъ, какъ необходимое, „военно-медицинская администрація, руководимая представителями науки, получила бы болѣе самостоятельности и голосъ бы ея слышался яснѣе въ высшихъ сферахъ“.

Въ 1877—1878 гг., во время русско-турецкой кампаніи, Пироговъ снова былъ приглашенъ Краснымъ Крестомъ къ дѣятельности на театрѣ военныхъ дѣйствій.

Несмотря на свой преклонный возрастъ, Пироговъ и здѣсь проявилъ кипучую энергію и разносторонне помогаль раненымъ и больнымъ. Дѣятельность его здѣсь была близка къ дѣятельности въ Крымскую кампанію. Свои наблюденія и выводы Пироговъ изложилъ въ обширномъ сочиненіи „Военно-врачебное дѣло и частная помощь на театрѣ войны въ Болгаріи и въ тылу дѣйствующей арміи въ 1877—1878 гг.“

Со времени русско-турецкой войны Пироговъ уже не возвращался къ общественной дѣятельности.

Въ деревнѣ Пироговъ съ 1879 по 22 октября 1881 года писалъ свои мемуары: „Вопросы жизни. Дневникъ стараго врача“, составляющіе первый томъ его сочиненій, изданныхъ въ 1887 году.

Дневникъ, широко нами использованный при составленіи этой брошюры, доведенъ имъ всего лишь до 1842 года. Онъ представляетъ изъ себя замѣчательное произведеніе, излагающее его философскія и религіозныя воззрѣнія. Читается онъ съ захватывающимъ интересомъ всѣми, кому не чужды „проклятые вопросы“, часто рѣшаемые, но никогда не рѣшенные окончательно.

Въ 1881 году въ Москвѣ, въ актовомъ залѣ университета состоялось чествованіе Пирогова по случаю пятидесятилѣтія его служенія человечеству. Все мыслящее русское общество восторженно отозвалось на юбилей маститаго старца. Привѣтственные адреса и телеграммы получены были со всѣхъ концовъ Россіи. Количество депутацій отъ всѣхъ русскихъ университетовъ и нѣкоторыхъ заграничныхъ, различныхъ научныхъ организацій и учрежденій, медицинскихъ и врачебныхъ обществъ и пр. было огромно. Городъ Москва поднесъ своему знаменитому уроженцу званіе почетнаго гражданина Москвы, чѣмъ глубоко растрогалъ Пирогова. „Высшая честь, — сказалъ по этому поводу Пироговъ, — которая можетъ быть оказана человѣку, — это признаніе его почетнымъ гражданиномъ его родины“.

Но мало кто подозрѣвалъ, что на юбилеѣ Пироговъ уже былъ со смертельною болѣзью.

Въ началѣ 1881 года у Пирогова на слизистой оболочкѣ твердаго неба появились язвочки. 4 профессора: Склифасовскій, Грубе, Воль и Эйхвальдъ изслѣдовали эти язвочки черезъ два дня послѣ юбилея, высказались за злокачественность ихъ и необходимость немедленной операціи. По совѣту домашнихъ рѣшено было немедленно ѣхать въ Вѣну къ Бильроту. Пироговъ упалъ духомъ. Но Бильротъ совершенно его успокоилъ: послѣ тщательнаго ихъ изслѣдованія онъ призналъ язвочки доброкачественными.

Между тѣмъ язвочки не заживали, и Пироговъ медленно угасалъ. 27 октября 1881 года Пироговъ самъ поставилъ собственный діагнозъ. „Ни Склифасовскій, Воль и Грубе, — пишетъ онъ въ послѣдней своей запискѣ, — ни Бильротъ не узнали у меня ползучей раковой язвы слизистой оболочки рта. Иначе первые три не совѣтовали бы операціи, а второй не призналъ бы болѣзнь за доброкачественную“.

Вечеромъ 23 ноября 1881 года Пироговъ умеръ.

„Человѣкъ онъ былъ изъ всѣхъ людей, какихъ намъ доводилось видѣть“, говорилъ проф. Шульгинъ о Пироговѣ словами шекспировскаго Гамлета.

Хорошо почтили память своего величайшаго представителя русскіе врачи.

Еще въ 1881 году, во время празднованія полувѣкового юбилея ученой дѣятельности Н. И. Пирогова, среди учениковъ и почитателей юбиляра зародилась мысль учредить врачебное общество имени Пирогова, въ основу котораго легла идея общенія врачей всей Россіи на почвѣ научныхъ и общественно-санитарныхъ интересовъ. Уставъ Пироговскаго общества утвержденъ былъ въ 1883 году, и общество начало функционировать въ формѣ періодическихъ съѣздовъ.

На Пироговскихъ съѣздахъ, которые устраивались почти регулярно черезъ годъ (1885, 1887, 1889, 1891 и т. д.), чрезвычайно рѣзко пробивалась и пробивается общественная струя. Съ каждымъ съѣздомъ возрастало число секцій. Особенное развитіе на нихъ получили секціи земской медицины, общественной медицины и бытовыхъ вопросовъ. Эти съѣзды не даютъ угаснуть высоко гуманному духу великаго Пирогова въ медицинской средѣ изъ года въ годъ воскрешая высокую тѣнь славнаго имени.

Помимо этого, врачи основали Пироговское хирургическое общество и поставили въ Москвѣ ему памятникъ. На этомъ памятникѣ, стоящемъ на Дѣвичьемъ полѣ, въ клиникахъ, выгравированы слова Пирогова о самомъ себѣ: „Я положилъ себѣ за правило при первомъ моемъ вступленіи на кафедру ничего не скрывать отъ моихъ учениковъ, и если не сейчасъ же, то потомъ и не медля открывать передъ ними сдѣланную мною ошибку, будетъ ли она въ діагнозѣ или въ лѣченіи болѣзни“, — слова, характеризующія высоко правдивую душу.

IX. Личность Пирогова.

Пироговъ былъ небольшого роста, худощавъ, съ круглымъ лицомъ, широкимъ черепомъ, съ немного сплюснутымъ, широкимъ носомъ, нѣсколько выдавшимися скулами и свѣтлыми глазами. Глаза его пронизывали насквозь и какъ бы заглядывали въ самую душу собесѣдника.

Онъ обладалъ огромной волей и выдержкой. Несмотря на то, что онъ отъ природы имѣлъ характеръ вспыльчивый и горячій, онъ былъ весьма ровень въ отношеніяхъ къ людямъ.

Приведемъ нѣсколько фактовъ, характеризующихъ личность Пирогова.

Его нетребовательность и простота чрезвычайно ярко вырисовываются изъ разсказа одного екатеринославскаго учителя. Въ екатеринославскомъ училищѣ Пирогову пришлось переночевать у учителя.

„Я напоилъ, — разсказываетъ тотъ, — чайкомъ своего гостя, угостилъ, чѣмъ Богъ послалъ, а затѣмъ сталъ хлопотать, какъ бы поудобнѣе устроить ему ночлегъ.

„— Пожалуйста, не беспокойтесь. Я лягу на полу, — замѣтилъ Н. И., — да и сами ложитесь здѣсь. Побесѣдуемъ, пока заснется.

„Какъ много интереснаго и полезнаго узналъ я за эту ночную бесѣду отъ великаго педагога“, добавляетъ учитель.

Бывшій гимназистъ Добровъ такъ разсказываетъ о посѣщеніи Пироговымъ его класса:

„Однажды сидимъ мы на урокъ латинскаго языка двери безшумно отворяются, и входитъ небольшая, слегка сутуловатая фигура въ широкомъ пальто-сюртукѣ. Въ первое мгновеніе ученики не обратили вниманія и оставались сидѣть на своихъ мѣстахъ; только слегка

вытянувшаяся фигура учителя Протопопова и появленіе за спиной новой личности директора Шершеневича съ выраженіемъ торжественности на застывшемъ лицѣ дало намъ понять, что это и есть новый попечитель, притомъ же директоръ многозначительно и пристально взглянулъ на насъ. Мы догадались и встали. Пироговъ кивкомъ головы поздоровался съ гимназистами и велѣлъ имъ сѣсть. Сказавъ что-то директору, Пироговъ усѣлся на концѣ первой скамьи по сосѣдству съ учениками. Шершеневичъ вскорѣ тихо вышелъ изъ класса, конечно, въ виду желанія Пирогова. „Продолжайте, на чемъ остановились!“ обратился Пироговъ къ Протопопову. Урокъ возобновился и пошелъ своимъ чередомъ. Пироговъ, спрятавъ руки въ широкіе рукава своего сюртука-пальто, внимательно слѣдилъ за ходомъ урока. Читали, кажется, „Виргилія“. Оригиналь-попечитель взялъ у сосѣда экземпляръ, слѣдилъ за переводомъ, предлагалъ вопросы, поправлялъ неудачный переводъ, вступалъ въ объясненія съ учителемъ. При этомъ Пироговъ обнаружилъ знанія, подкрѣпляя свои замѣчанія филологическими и историческими справками. Вначалѣ оторопѣлый, учитель ободрился и свободно объяснялся съ попечителемъ. Характерно это отсутствіе генеральства, всегда такъ выгодно отличавшее Пирогова. Поправляя переводъ учителя, вставляя свои замѣчанія, Пироговъ прибавлялъ ничего не значащія на первый взглядъ, но скрашивающія взаимныя отношенія слова: „мнѣ кажется“, „я думаю“. Затѣмъ Пироговъ самъ вызывалъ нѣкоторыхъ учениковъ, между прочимъ, толкнулъ своего сосѣда и велѣлъ переводить, при чемъ разыгралась слѣдующая, не лишенная комизма сценка. Гимназистъ всталъ. „Не надо, не надо! Читайте сидя!“ Бѣдный „сосѣдъ“, слегка подергивая плечами и подправляясь, началъ переводить. Пироговъ просидѣлъ въ классѣ весь урокъ“.

Какую вѣру въ себя вселялъ Пироговъ въ солдатахъ, характеризуетъ слѣдующій фактъ. „Однажды,—разсказываетъ сестра милосердія Крупская, — на перевязочный пунктъ (въ Крымскую кампанію) несли на носилкахъ солдата безъ головы; докторъ, стоя въ дверяхъ, махалъ руками и кричалъ солдатамъ: „Куда несете? Вѣдь видите, что онъ безъ головы!“ — Солдаты отвѣчали: „Ничего, ваше благородіе, голову несутъ за нами, г. Пироговъ какъ-нибудь привяжетъ, авось еще пригодится нашъ братъ-солдатъ“.

Больные солдаты знали, что могутъ обращаться къ Пирогову со всевозможными жалобами, претензіями и съ самыми наивными просьбами, что онъ всегда выслушаетъ ихъ и сдѣлаетъ для нихъ все, отъ него зависящее.

Утѣшая изъ Симферополя жену, которая беспокоилась о его здоровьи и жизни, когда онъ работалъ въ Крыму, Пироговъ пишетъ ей: „Тяжело, оставивъ тихій, пріятный бытъ, подвергать себя всѣмъ безпокойствамъ и тягостямъ разлуки съ милыми сердцу и лишеніямъ; но тому, у кого не остыло еще сердце для высокаго и святого, нельзя смотрѣть на все, что дѣлается вокругъ насъ, смотрѣть одностороннимъ эгоистическимъ взглядомъ, — и ты, которую я привыкъ уважать за твои чувства, вѣрно утѣшишься, подумавъ, что мужъ твой оставилъ тебя и дѣтей не понапрасну, а съ глубокимъ убѣжденіемъ, что онъ не безъ пользы подвергается лишеніямъ и разлукѣ“.

„Чѣмъ же я виноватъ, — пишетъ онъ въ другомъ письмѣ,—и передъ кѣмъ, что у меня въ сердцѣ еще не заглохли всѣ порывы къ высокому и святому, что я не потерялъ еще силу воли жертвовать; а то, для чего я жертвую счастьемъ быть съ тобой и дѣтьми, должно быть также дорого для тебя и для нихъ“.

Безусловно правъ былъ Ушинскій, который, заканчивая свою статью о Пироговѣ, пишетъ: „Наконецъ-то мы имѣемъ среди насъ человѣка, на котораго съ гордостью можемъ указать нашимъ дѣтямъ и внукамъ и по безукоризненной дорогѣ котораго можемъ вести смѣло наши молодыя поколѣнія. Пусть наша молодежь смотритъ на этотъ образъ — и будущность нашего отечества будетъ обезпечена“.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
I. Дѣтство Н. И. Пирогова _____	5--20
II. Пироговъ въ университетѣ _____	20—23
III. Пребываніе въ Дерптѣ _____	28—36
IV. Профессорство въ Дерптѣ и петербургская дѣятельность _____	36—46
V. Пироговъ въ Крыму _____	46—50
VI. Педагогическое ученіе и дѣятельность _____	50—77
VII. Оцѣнка педагогической дѣятельности Пирогова . .	77—79
VIII. Дѣятельность во время франко-прусской и русско-турецкой войнъ. Смерть Пирогова _____	79—83
IX. Личность Пирогова _____	84--87
